

ПРЕДИСЛОВИЕ

Александр Васильевич Колчак родился 4 (16) ноября 1874 г. в селе Александровском Санкт-Петербургского уезда Санкт-Петербургской губернии (см. Т. 1, док. № 1)^I в дворянской семье. Его отец — генерал-майор Василий Иванович Колчак (1837–1913), далекие предки которого были турецкими подданными, родился в Одессе, в Херсонской губернии. Мать — Ольга Ильинична (урожденная Посохова) также представляла херсонское дворянство. Отец участвовал в обороне Севастополя во время Крымской войны. Его перу принадлежат ряд произведений — «На Малаховом кургане»^{II}, «История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники»^{III} и «Война и плен»^{IV}.

А. В. Колчак подробно рассказывал о своей жизни на допросах в Иркутске в январе-феврале 1920 г. (см. Т. 2, док. № 289). Во время допросов он вспоминал и свое детство: «До времени поступления в школу я получил семейное воспитание под руководством отца и матери. У меня есть одна сестра — Екатерина, была еще одна маленькая сестра — Любовь, но она умерла в детстве» (см. Т. 2, док. № 289).

В 1885 г. Александр Колчак поступил в 6-ю Санкт-Петербургскую гимназию^V и проучился в ней три года, затем в 1888 г. поступил в Морское училище^{VI} (см. Т. 1, док. № 5) и в 1894 г. закончил его с отличными результатами (он был вторым по списку успеваемости). Его успехи в учебе отмечены «именной» премией адмирала П. И. Рикорда в размере 300 рублей (см. Т. 1, док. № 7).

Контр-адмирал Д. В. Никитин (Фокагитов)^{VII} так описал Колчака: «Кадет среднего роста, стройный, худощавый брюнет с необычайным южным типом лица и орлиным носом поучает подошедшего к нему высокого и плотного кадета. Тот смотрит на своего ментора с упованием. Видимо, синусы и косинусы не входят

^I Здесь и далее в скобках приведены ссылки на документы, опубликованные в настоящем издании.

^{II} Колчак В. И. На Малаховом кургане: [Из воспоминаний о давно пережитом]. СПб., [1899].

^{III} Колчак В. И. История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. СПб., 1903.

^{IV} Колчак В. И. Война и плен : 1853–1855 гг. : из воспоминаний о давно пережитом. СПб., 1904.

^V Фотопортрет 12-летнего Александра Колчака см. Т. 1, «Материалы семейного архива А. В. Колчака. Из новых поступлений в Государственный архив Российской Федерации», илл. № 1 (далее — «Материалы семейного архива А. В. Колчака...»).

^{VI} С 1891 г. — Морской кадетский корпус.

^{VII} Д. В. Никитин (псевдоним Фокагитов) закончил Морской кадетский корпус на 3 года раньше Колчака. Его брат Андрей учился вместе с Колчаком. Статья Никитина «Выпуск Колчака» в 1944 г. была опубликована в журнале «Морские записки». Вероятно, Д. В. Никитин написал о Колчаке со слов своего брата. См. Зырянов П. Н. Адмирал Колчак. Верховный правитель России. М., 2006. С. 19.

в число его очень близких друзей, но так фанатически убежденно звучит слегка картавящий голос брүнета, подкрепляемый широким жестом руки, что и “пятая таблица”, и “величина косинуса” невольно делаются для поучаемого знакомыми, реальными величинами. Ментор этот, один из первых кадет по классу, был как бы постоянной справочной книгой для его менее преуспевающих товарищей. Если что-нибудь было непонятно в математической задаче, выход один: “Надо Колчака спросить”» (см. Т. 1, док. № 296).

26 сентября 1894 г. знаменательный день в жизни Колчака — он был приведен к присяге. В конце 1894 г. молодой мичман начал службу в 7-м флотском экипаже (см. Т. 1, док. № 10). В марте 1895 г. он был «назначен для занятий штурманским делом в Кронштадтской морской обсерватории» (см. Т. 1, док. № 292).

5 мая 1895 г. Колчака определили вахтенным офицером на крейсер 1-го ранга «Рюрик». На его борту он совершил плавание из Балтики на Тихий океан. Во время этого плавания Колчак начинает изучать гидрологию дальневосточных морей. В записке «Русская полярная экспедиция 1900–1902 гг.» Колчак писал, что во время плавания в Тихом океане он не раз «подумывал о выходе из военного флота и о службе на коммерческих судах», но чувство долга и уважение к военному делу перевесили: «Я всегда был военным моряком и военно-морское дело ставил на первое место» (см. Т. 1, док. № 25). Колчак мечтал попасть в какую-нибудь экспедицию, его «интересовала северная часть Тихого океана в гидрологическом отношении» (см. Т. 2, док. № 289). Колчак продолжил службу на крейсере 2-го ранга «Крейсер» (с июня 1897 г.). В мае 1899 г., произведенный в лейтенанты, он вернулся в Кронштадт (см. Т. 1, док. № 25, 292).

Рубеж столетий — начало нового этапа в развитии мировой науки. В России особое внимание привлекали остававшиеся неисследованными труднодоступные территории на севере страны. Поиск практических решений по развитию морских коммуникаций России в Арктике, выявление перспектив страны в освоении Северного Ледовитого океана — эти и другие проблемы обратили на себя внимание и молодого Колчака. Для него изучение Русского Севера имело особое значение. Популярной гипотезой в конце XIX — начале XX вв. было существование Земли Санникова — неизвестной территории в Северном Ледовитом океане. Русская полярная экспедиция (1900–1902 гг.) была снаряжена Императорской Академией наук для исследования Арктики к северу от Новосибирских островов и поиска этого легендарного места.

Экспедиции покровительствовал сам президент Академии наук великий князь Константин Константинович. В августе 1899 г. он обратился в Морское министерство с ходатайством о включении в состав полярной экспедиции чинов морского ведомства (см. Т. 1, док. № 12). Морское ведомство согласилось (см. Т. 1, док. № 13).

В сентябре 1899 г. Колчак на эскадренном броненосце «Петропавловск» отправился на Дальний Восток. Когда «Петропавловск» находился в Пирее (Греция), Колчак неожиданно получил предложение принять участие в организуемой Академией наук Северной полярной экспедиции под руководством барона Э. В. Толля (см. Т. 1, док. № 292).

В середине января 1900 г. Колчак прибыл в Петербург, «явился к барону Толлю и поступил в его распоряжение». Колчаку было предложено, кроме обязанностей по гидрологии, принять на себя должность второго магнитолога. Для того чтобы подготовиться к экспедиции, Колчаку необходимо было улучшить свои знания по астрономии и магнитологии. Для этого он прошел обучение в Главной физической обсерватории в Петербурге, а затем в Константиновской магнитно-метеорологической обсерватории в Павловске.

В экспедиции Колчаку предстояло заниматься измерением морских глубин, астрономическими и метеорологическими наблюдениями, ведением специальных гидрологических и навигационных записей, а также выполнять другие исследовательские и хозяйственные поручения (см. Т. 1, док. № 36).

В период подготовки экспедиции Колчак познакомился со многими известными полярными исследователями, в частности с Ф. Нансеном (см. Т. 1, док. № 25; Т. 2, док. № 289).

В начале июня 1900 г. экспедиция барона Толля на яхте «Заря» покинула Санкт-Петербург и к концу лета вошла в Карское море¹. Первоначальной целью экспедиции был переход к мысу Челюскин. Во время зимовки «Зари» во льдах Колчак с Толлем совершили переход на санях к этому мысу. По ходу маршрута Колчак составил описание островов в Таймырском заливе, и один из них получил имя своего первооткрывателя (остров Колчака^{II}). Э. В. Толль был очень доволен Колчаком, отмечал его энергию и называл «прекрасным специалистом, преданным интересам экспедиции»^{III}.

С открытием навигации в 1901 и в 1902 гг. «Заря» попыталась пройти далее на восток, но плотные ледяные поля помешали яхте продолжить плавание. Тогда в начале июня 1902 г. барон Толль по собственной инициативе с несколькими членами экипажа на санях и шлюпках предпринял поход к острову Беннетта — северному острову архипелага Новосибирских островов. «Заре» следовало забрать эту небольшую экспедицию с острова, как только позволит навигация (но лишь в том случае, если у яхты хватит запасов угля для отплытия к устью реки Лены). Запланированный переход не удался. Израсходовав в борьбе со льдом почти все запасы угля, «Заря» не смогла пробиться к острову Беннетта. Яхта с трудом прибыла в Тикси. Толль был обречен.

В декабре 1902 г. Колчак вернулся в Петербург. В Академии наук было принято решение организовать поиск барона Толля и его группы. В феврале 1903 г. участники спасательной экспедиции под руководством Колчака отправились из Мезени в Иркутск, а оттуда в Якутск. Экспедиция проходила в чрезвычайно сложных условиях. Тем не менее, следуя на нартах по льдам и на вельботе по морю, в июле 1903 г. Колчак и его группа дошли до острова Беннетта. Однако Толля и его спутников найти не удалось, и Колчаку пришлось вернуться назад. О результатах

^I Подробнее см.: Кузнецов Н. А. В поисках Земли Санникова. Полярные экспедиции Толля и Колчака. М., 2014.

^{II} С 1937 г. по 2005 г. — остров Расторгуева. При этом сам Колчак во время своих полярных походов назвал другой остров и мыс именем своей невесты Софьи Федоровны Омировой. Мыс Софьи сохранил свое название, в советское время не переименовывался.

^{III} Толль Э. В. Плавание на яхте «Заря». М., 1959. С. 16.

экспедиции Колчак доложил академику Ф. Б. Шмидту (см. Т. 1, док. № 27) и президенту Императорской Академии наук великому князю Константину Константиновичу (см. Т. 1, док. № 28). За участие в полярной экспедиции Колчак был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени (см. Т. 1, док. № 292).

Из-за двух экспедиций Колчаку пришлось отложить свадьбу с Софьей Федоровной Омировой (познакомились они еще в 1899 г.¹). Вернувшись в марте 1904 г. из спасательной экспедиции в Иркутск, он обвенчался со своей невестой. Для того чтобы получить разрешение на брак, ему пришлось обратиться к великому князю Константину Константиновичу. Последний поставил на телеграмме резолюцию: «Разрешаю» (см. Т. 1, док. № 30).

С началом Русско-японской войны Колчак отправился в Порт-Артур, где вскоре принял командование миноносцем «Сердитый». Первая командная должность дала ему ценный боевой опыт, в том числе в постановке минных заграждений (см. Т. 1, док. № 31). Позднее, в годы Первой мировой войны, именно минные постановки окажутся одним из востребованных и эффективных тактических приемов борьбы с врагом на море.

Осенью 1904 г., когда стала очевидна невозможность активных боевых действий на море, экипажи кораблей 1-й Тихоокеанской эскадры Русского императорского флота сошли на берег и приняли участие в обороне крепости Порт-Артур.

Колчак был назначен командиром батареи 47- и 120-мм орудий в вооруженном секторе Скалистых гор на северо-восточном участке обороны (см. Т. 1, док. № 292). В ноябре — декабре 1904 г. он вел дневник (см. Т. 1, док. № 35). Вот, например, одна из записей (1 декабря 1904 г.), относящаяся к последним неделям перед сдачей крепости: «С утра я пошел в город сделать кое-какие покупки и затем пришел к порту. Я первый раз был там после погрома нашей эскадры — я никогда не видел более тяжелой картины, чем эти 4 броненосца и два крейсера, лежащие полузатопленные, под креном на дне Артурского порта. [...] В суда попало от 20 до 30 11" бомб, разворотивших все внутренние помещения и причинивших огромные пробоины. Когда все это будет отомщено? Нет слов, чтобы говорить об этом более» (см. Т. 1, док. № 35).

За участие в боевых действиях Колчак был награжден: 15 ноября 1904 г. «за строевую службу и охрану прохода в Порт-Артур и обстреливание неприятельских позиций пожалован орденом Св. Анны 4-й ст. с надписью “за храбрость”»; а 12 декабря 1905 г. «пожалован за отличие в делах против неприятеля под Порт-Артуром золотой саблей с надписью “за храбрость” и орденом Св. Станислава 2-й ст. с мечами» (см. Т. 1, док. № 292).

Во время капитуляции крепости Порт-Артур Колчак находился в госпитале. Вместе с другими больными его перевезли в Японию, а затем, в июне 1905 г., когда состояние здоровья позволило совершить самостоятельное путешествие, он был отпущен в Россию.

У Колчака оставались дела, отложенные из-за начавшейся Русско-японской войны. Вернувшись в Петербург в начале осени 1905 г., он занялся итоговым от-

¹ Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 86.

четом о спасательной экспедиции, которой руководил. В ноябре 1905 г. подробный отчет был готов, а в январе 1906 г. Колчак выступил на заседании Императорского русского географического общества (ИРГО) с докладом об экспедиции по поиску Толля и его спутников. Впоследствии, этот доклад был опубликован в «Известиях ИРГО» под заголовком «Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля»¹.

Необходимо было обработать материалы Русской полярной экспедиции 1900–1902 гг. 25 ноября 1905 г. Колчак обратился в Главное гидрографическое управление с тем, чтобы ему предоставили возможность завершить эту работу (см. Т. 1, док. № 38). По ходатайству президента Академии наук великого князя Константина Константиновича Колчака освободили «от всех служебных обязанностей по Морскому ведомству» и прикомандировали до 1 мая 1906 г. к Императорской Академии наук «для доведения обработки картографических и гидрологических материалов Русской полярной экспедиции 1900 г. до желаемого конца» (см. Т. 1, док. № 41, 42).

Географическое общество высоко оценило труды Колчака. 30 января 1906 г. он был награжден Большой золотой медалью «за участие в экспедиции барона Э. В. Толля и за путешествие на остров Беннетта, составляющие важный географический подвиг» (см. Т. 1, док. № 44; илл. № 10).

Итогом полярных исследований, в которых Колчак принимал участие, стало составление и издание географической карты побережья Северного Ледовитого океана от устья Оби до полуострова Таймыр. Кроме этого, были составлены карты Карского моря (см., например, Т. 1, илл. № 16). В марте 1906 г. Колчак доложил о подготовленной им книге «Лед Карского и Сибирского морей». Этот труд увидел свет в 1909 г. в сборнике «Научные результаты Русской полярной экспедиции в 1900–1903 гг. под начальством барона Толля»¹¹.

В апреле 1906 г. капитан 1-го ранга Л. А. Брусилов предложил руководству Морского министерства создать оперативно-стратегический орган по разработке планов будущей войны. Среди прочих морских офицеров, предложенных им для службы в новом учреждении, был и лейтенант Колчак (см. Т. 1, док. № 45). В мае 1906 г. приказом по Морскому министерству Колчак был прикомандирован к управлению Морского генерального штаба (МГШ), а затем назначен заведующим отделением русской статистики (см. Т. 1, док. № 292).

За годы службы в МГШ Колчак участвовал в разработке судостроительных программ и был представителем от МГШ в нескольких комиссиях.

Один из наиболее важных документов, подготовленных Колчаком в это время, — докладная записка с замечаниями на малую судостроительную программу, которая была представлена в июне 1907 г. морскому министру И. М. Дикову

¹ Колчак А. [В.] Последняя экспедиция на остров Беннетта, снаряженная Академией наук для поисков барона Толля // Известия императорского Русского географического общества. СПб., 1907. Т. 42. Вып. 2–3. С. 497–521. Выдержки из доклада см. Т. 1, док. № 37.

¹¹ Колчак А. [В.] Лед Карского и Сибирского морей. Научные результаты Русской Полярной Экспедиции 1900–1903 гг., под начальством барона Э. В. Толля // Записки Императорской Академии наук по физико-математическому отделению. СПб., 1909. Т. XXVI, № 1. Сер. 8. (Титульный лист см. Т. 1, илл. № 17).

(см. Т. 1, док. № 48). В этот же период Колчак завершил труд «Какой нужен флот России». В декабре 1907 г. он выступил с докладом на эту тему на заседании Петербургского военно-морского кружка. Позднее Колчак прочитал его в Клубе общественных деятелей в Петербурге, Кронштадтском обществе офицеров флота и Обществе ревнителей военных знаний¹. В 1908 г. эта работа была опубликована в «Морском сборнике»². В ней содержится анализ не только существующих на тот момент классов и типов боевых кораблей, но и рассматриваются тенденции развития флота.

Еще один теоретический труд Колчака, «Служба Генерального штаба», был завершён 29 февраля 1912 г.³ Он стал основой лекционного курса, который Колчак намеревался прочитать в Николаевской морской академии (см. Т. 1, док. № 71).

В этой работе Колчак изложил свои взгляды на принципы военного управления и войну в целом: «В основании учения об управлении вооруженной силой лежит идея единой творческой воли начальника — командующего, облеченного абсолютной властью как средством выражения этой воли. Идея военного управления есть идея совершенного абсолютизма, вытекающего из сущности военного дела как борьбы, руководство которой не допускает никакого другого начала, кроме начала единой воли и единой власти [...] Война есть одно из неизменных проявлений общественной жизни в широком смысле этого понятия. Подчиняясь, как таковая, законам и нормам, которые управляют сознанием, жизнью и развитием общества, война является одной из наиболее частых форм человеческой деятельности, в которой агенты разрушения и уничтожения переплетаются и сливаются с агентами творчества и развития, с прогрессом, культурой и цивилизацией»⁴.

В апреле 1908 г. Колчак был произведен в чин капитана 2-го ранга, в июне того же года прикомандирован к Морскому генеральному штабу, а в марте 1909 г. участвовал в работе комиссии по составлению свода военно-морских боевых сигналов (см. Т. 1, док. № 55).

В это время Колчак продолжал заниматься исследованием Арктики и Северного морского пути. Его освоение представляло интерес не только в географическом, но также и в экономическом и военном отношении. Вместо длительного перехода «через три океана» из Балтики на Дальний Восток, корабли могли достигать тихоокеанских просторов за гораздо меньший срок. Колчак изложил свои наблюдения и мысли в нескольких докладах и записках. В частности, в январе 1907 г. им был составлен «Краткий обзор исследований морского пути вдоль северных берегов России», где он отмечал: «При современном положении

¹ Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 190.

² Колчак [А. В.] Какой нужен России флот // Морской сборник. 1908. № 6. С. 17–47; № 7. С. 1–25. Работа переиздана в сборнике: Колчак В. И., Колчак А. В. Избранные труды. СПб., 2001.

³ Колчак А. [В.] Служба Генерального штаба: сообщения на дополнительном курсе Военно-Морского отделения Николаевской морской академии. СПб., 1912. Работа переиздана в сборнике: Колчак В. И., Колчак А. В. Избранные труды. СПб., 2001.

⁴ Колчак В. И., Колчак А. В. Указ. соч. С. 264, 275, 289–290.

наших знаний о берегах Таймырского полуострова и северного побережья Сибири к востоку от него, трудно сказать, в чем лежат большие препятствия для плавания: в естественных ли условиях, или в незнании этих условий. Короткий период возможной навигации, который надо считать не большим 5-6 недель (август и начало сентября), конечно, ограничивает значение Северо-Восточного пути, тем не менее оно сохраняется, придавая государственную важность связанным с ним вопросам, решить которые может только снаряжение настоящей гидрографической экспедиции»¹.

В мае 1908 г. А. В. Колчак принял участие в подготовке второй Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана¹¹. Специально для этой экспедиции были построены ледоколы «Таймыр» и «Вайгач». Став командиром «Вайгача», Колчак лично следил за подготовкой ледокола к арктическому плаванию, отбирал способных морских офицеров в состав экипажа (см. Т. 1, док. № 51, 52). В августе-октябре 1910 г. оба ледокола совершили первое плавание в Арктику (см. Т. 1, док. № 58, 59). В послужном списке Колчака отмечено, что 9 ноября 1910 г. он «приказом командира Владивостокского порта за № 1102, по приказанию товарища морского министра командирован в г. С[анкт]-Петербург»; транспорт «Вайгач» сдал 15 ноября (см. Т. 1, док. № 292). Колчак отправился в столицу, где его ждали жена и сын Ростислав, родившийся 24 февраля 1910 г.

В декабре 1910 г. Колчак продолжил службу в Морском генеральном штабе, а в 1912 г. стал командиром эскадренного миноносца «Уссуриец», базировавшегося в порту Либава. Ему предстояло проводить учебные стрельбы, испытывать новые образцы торпедного оружия и тренировать команду в постановке минных заграждений.

14 мая 1913 г. Колчак принял командование эскадренным миноносцем «Пограничник». Он также возглавлял оперативное отделение штаба командующего Морскими силами (см. Т. 1, док. № 68) и руководил работой столичного военно-морского кружка (см. Т. 1, док. № 72).

В начале 1914 г., капитан 1-го ранга Колчак принял должность флаг-капитана (начальника оперативной части) Морских сил Балтийского моря на крейсере «Рюрик». В преддверии Первой мировой войны было решено поставить минные заграждения у входа в Финский залив, на так называемой центральной минно-артиллерийской позиции. За два дня до начала войны их установка была завершена. Отказ от активных боевых действий флота на море и пассивная позиция командования Балтфлота не устраивали Колчака, о чем он писал начальнику Военно-морского управления штаба главнокомандующего VI армией Северо-Западного фронта В. М. Альфатеру (см. Т. 1, док. № 79, № 88).

В 1915 г. Колчак принял участие в минно-заградительных операциях на крейсере «Рюрик» и миноносце «Пограничник». Российским кораблям удалось поставить минные заграждения у острова Борнхольм, заблокировать выход судов противника из порта Данциг (см. Т. 1, док. № 95). В этих операциях Колчак сумел

¹ Колчак В. И., Колчак А. В. Указ. соч. С. 261.

¹¹ Первая Гидрографическая экспедиция Северного Ледовитого океана (ГЭСЛО) действовала в 1898–1904 гг. База ГЭСЛО — порт Архангельск; судно — пароход «Пахтусов».

использовать преимущества миноносцев и доказать возможность их действий в составе самостоятельных отрядов, без какого-либо дополнительного прикрытия со стороны крейсеров или линкоров.

Служивший вместе с Колчаком вице-адмирал Д. В. Ненюков в своих воспоминаниях так описал операцию в Данцигской бухте: «12 февраля 2-я бригада в составе крейсеров “Рюрик”, “Адмирал Макаров”, “Богатырь” и “Олег” [...] вышла к германским берегам [...] В море к бригаде должен был еще присоединиться полудивизион миноносцев под начальством капитана 1-го ранга Колчака. [...] Ему пришлось пробиваться двое суток через тяжелый для легких корпусов миноносцев лед. Некоторые миноносцы получили пробоины, но они тут же заделывались судовыми средствами. Когда наконец все трудности были побеждены и полудивизиону удалось выйти в свободное ото льда море, вдруг было получено по радио приказание вернуться назад вследствие аварии “Рюрика”. Капитан 1-го ранга Колчак немедленно запросил разрешения командующего флотом идти в экспедицию одному без прикрытия. Адмирал Эссен был, конечно, в трудном положении, но, зная хорошо своего сотрудника по оперативной части, все-таки разрешил. Полудивизион, никем не потревоженный, в ночь на 15 февраля наставил мины заграждения в Данцигском заливе и к ночи того же дня благополучно пришел в Ревель, исполнив опасное поручение»¹.

В августе 1915 г. Колчак рапортовал о необходимости интенсивного строительства новейших моделей эскадренных миноносцев типа «Новик», превосходящих прежние миноносцы по боевым и ходовым характеристикам (см. Т. 1, док. № 105). Заслуги Колчака в создании плотных минных полей высоко оценивало командование Балтийского флота. В феврале 1915 г. адмирал Эссен ходатайствовал перед морским министром о производстве Колчака «за высокие отличия» в контр-адмиралы (см. Т. 1, док. № 96). Однако ходатайство не получило поддержки. За производство минных заграждений Колчак был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени. После кончины адмирала Эссена в мае 1915 г. Колчак продолжал командовать соединениями эсминцев. Минная дивизия под его командованием в октябре того же года провела успешную высадку десанта на побережье Рижского залива (см. Т. 1, док. № 112, 114).

Новый командующий Балтийским флотом вице-адмирал В. А. Канин в письме от 11 октября 1915 г. морскому министру И. К. Григоровичу дал Колчаку такую характеристику: «У меня есть превосходный офицер Колчак: истинное призвание военного начальника. Неутомимый и самоотверженный работник. Неустрашимость и мужество необыкновенные. Нечем награждать. Он уже много раз заслужил все, что имеет, и продолжает проявлять выдающиеся услуги и подвиги. Это совершенно готовый начальник какого угодно отряда, и если еще не воспользоваться теперь, то это будет лишь во вред и ему, и службе. Я бы очень хотел представить его к производству в контр-адмиралы, с тем чтобы дать ему под начальство дивизию “Новиков”» (см. Т. 1, док. № 113).

¹ Ненюков Д. В. От Мировой до Гражданской войны : Воспоминания. 1914–1920 / вступ. ст. и прим. А. В. Посадского. М., 2014. С. 96–97.

В октябре 1915 г. Колчак был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Награда была вручена «за выдающуюся боевую деятельность [...], выразившуюся в разработке планов боевых операций, выполненных флотом Балтийского моря, а также за выказанные подвиги мужества и храбрости при действиях флота в Балтийском море у берегов Германии и в Рижском заливе» (см. Т. 1, док. № 116 и «Материалы семейного архива А. В. Колчака...», илл. № 4).

В конце декабря 1915 г. Колчака назначили начальником минной дивизии на эсминце «Новик». 10 апреля 1916 г. Колчак был произведен в контр-адмиралы, а уже 28 июня 1916 г. «произведен за отличие по службе в вице-адмиралы [...] с назначением командующим Флотом Черного моря» (см. Т. 1, док. № 133, 292). 8 июля Колчак прибыл в Севастополь и принял командование флотом у адмирала А. А. Эбергарда (см. Т. 1, док. № 136, 137).

Перед Черноморским флотом стояли две стратегически важные задачи: оборонительная и наступательная. Первая — надежная защита российских берегов от немецких крейсеров «Гёбен» и «Бреслау», действовавших на транспортных коммуникациях и неоднократно обстреливавших черноморское побережье России. Вторая — подготовка и проведение десантной операции по овладению Константинополем и черноморскими проливами Босфор и Дарданеллы.

Первой операцией Колчака в должности командующего флотом было преследование крейсера «Бреслау». Это произошло сразу после его назначения (см. Т. 1, док. № 139). «Когда адмирал Колчак, только что прибывший, сидел в кабинете у адмирала Эбергарда, пришли доложить [...], что крейсер “Бреслау” находится в море и движется к востоку, — вспоминал Д. В. Ненюков. — Адмирал Эбергард хотел отдать распоряжение дежурной группе из дредноута, крейсера и дивизиона миноносцев выйти в море, но Колчак забыл все церемонии, заволновался и захотел непременно идти сам с группой. Через час была назначена съемка с якоря [...], никаких формальных сдач и приемок соблюдено не было. Адмирал Колчак вышел в море, и ему удалось заключить в кольцо “Бреслау”, но последний все-таки, благодаря огромному преимуществу в ходе, прорвался, обменявшись несколькими выстрелами с крейсером “Память Меркурия”»¹.

В противостоянии с «Гёбеном» и «Бреслау» Колчак избрал уже апробированную на Балтике стратегию минных заграждений. Вместо частых и, по существу, бесперспективных попыток перехватить и расстрелять немецких «корсаров», Колчак принял решение заблокировать им выход в Черное море, максимально заминировав подступы к Босфору (см. Т. 1, док. № 157). Накануне 1917 г. Колчак был представлен к награждению орденом Св. Анны 1-й степени с мечами¹¹.

Действия Черноморского флота в этот период высоко оценивались даже в советской историографии (при этом Колчак как командующий флотом не упоминался): «Борьба с германскими крейсерами и подводными лодками закончилась победой Русского флота. Активными минными постановками у Босфора и Варны противник был заблокирован, отказался от посылки крейсеров в Черное

¹ Ненюков Д. В. Указ. соч. С. 199.

¹¹ РГАВМФ. Ф. 417. Оп. 5. Д. 4099. Л. 6.

море [...] Практически русский флот на определенный период добился господства на море»¹.

Что касается другой задачи Черноморского флота — десантной операции на Босфор, то она так и осталась на уровне планов и подготовительных работ (см. Т. 1, док. № 164, 183).

В сборнике опубликованы документы, отражающие деятельность Колчака в должности командующего Черноморским флотом: об открытии Морского корпуса в Севастополе (см. Т. 1, док. № 171), морской авиации, Черноморской воздушной дивизии (см. Т. 1, док. № 192), трагедии 7 октября 1916 г. — гибели флагманского линкора «Императрица Мария» в результате взрыва (см. Т. 1, док. № 172–176, 182), несостоявшейся десантной операции на Босфоре (см. Т. 1, док. № 164, 183) и т. д.

В феврале-марте 1917 г. в Петрограде начались антиправительственные выступления. В те дни Колчак обсуждал военные и тыловые вопросы с главным командующим Кавказской армией великим князем Николаем Николаевичем (см. Т. 1, док. № 198). Политические проблемы тех недель и месяцев имели для Колчака значение в первую очередь с точки зрения сохранения боевого состояния флота и возможности продолжения войны «до победного конца». Это хорошо видно, в частности, из телеграммы Колчака военному и морскому министру Временного правительства А. И. Гучкову (см. Т. 1, док. № 205). В переписке Ставки с командующими об отречении Николая II Колчак не участвовал. В своем приказе от 2 марта 1917 г. он проинформировал подчиненных о происходящих в столице событиях и призвал всех чинов Черноморского флота и вверенные ему «сухопутные войска продолжать твердо и непоколебимо выполнять свой долг перед государем императором и Родиной» (см. Т. 1, док. № 200).

5 марта 1917 г. Колчак, «в ознаменование наступившей новой жизни народа», объявил амнистию по всем дисциплинарным проступкам (см. Т. 1, док. № 204), но просьбу нижних чинов о создании «постоянного собрания из выборных для обсуждения их нужд» отклонил (см. Т. 1, док. № 206). Игнорировать революционные веяния в армии и начавшуюся так называемую демократизацию войск, однако, оказалось невозможно. Уже 7 марта Колчак выступил в морском собрании в Севастополе и заявил о «необходимости самого тесного сближения офицеров, матросов и солдат во имя победы». Выступая на митингах и манифестациях, вице-адмирал постоянно говорил о важности сохранения воинской дисциплины, о поддержании доверия к командованию (см. Т. 1, док. № 207). Матросы-черноморцы в большинстве своем в то время еще доверяли своему командующему, не случайно в отличие от Балтийского флота на Черноморском флоте февральские потрясения не сопровождались убийствами матросами командного состава. Но Колчак в письме А. В. Тимиревой признавал: «Были часы и дни, когда я чувствовал себя на готовом открыться вулкане или на заложенном к взрыву пороховом погребе, и я не поручусь, что таковые положения не возникнут в будущем [...] Ужасное состояние — приказывать, не распола-

¹ Флот в Первой мировой войне. В 2 т. Т. 1. Действия русского флота / под ред. Н. Б. Павловича. М., 1964. С. 512.

гая реальной силой обеспечить выполнение приказа, кроме собственного авторитета, но до сих пор мои приказания выполнялись, как всегда» (см. Т. 1, док. № 209).

В течение нескольких месяцев после Февральской революции Колчак пытался найти выход из сложившейся ситуации. 14 марта 1917 г. он отдал приказ, в котором призывал «всех чинов вверенного ему флота [...] найти границу между службой, когда каждый воин есть только защитник Родины, и внеслужбным временем, когда тот же воин является свободным и полноправным гражданином» (см. Т. 1, док. № 211). 16 марта отдал приказ о приведении гарнизона и флотских экипажей к присяге Временному правительству (см. Т. 1, док. № 213). В апреле были изданы приказы о снятии царских символов с гербов на кораблях (см. Т. 1, док. № 231) и о смене монархических наименований боевых судов (см. Т. 1, док. № 236). В переписке с военным и морским министром Гучковым Колчак неоднократно подчеркивал важность сохранения воинской дисциплины, обращал внимание на проблемы технического обеспечения предстоящих боевых операций, на недопустимость политического давления на армию и флот со стороны многочисленных партий и общественных организаций (см. Т. 1, док. № 215, 218, 219, 232, 237).

В конечном счете Колчак был вынужден признать создание в Севастополе Центрального военно-исполнительного комитета (ЦВИК). В командовании флотом он предпочитал все же не прибегать к поддержке флотской «общественности», хотя это не всегда ему удавалось. Свидетельством снижения боеготовности флота стало совещание 20 апреля 1917 г. в Петрограде по вопросу о десанте на Босфор, на которое Колчак специально приехал из Севастополя (см. Т. 1, «Материалы семейного архива А. В. Колчака...», илл. № 5). На совещании было принято решение об отказе от проведения десанта, т. к. степень воинской дисциплины и надежности десантных частей не соответствовала тем сложным задачам, которые предстояло решить (см. Т. 1, док. № 235).

Тогда же в апреле 1917 г. Колчак выступил на собрании Офицерского союза Черноморского флота и делегатов армии, флота и рабочих в Севастополе. В своей речи, в частности, он сказал: «Какой выход из того положения, в котором мы находимся, которое определяется словами “Отечество в опасности”, я скажу более — “Отечество в критическом положении”. Этот выход лежит в глубоком сознании этой опасности, в ясном представлении о ней и о необходимости всем, кто имеет силу смотреть ей в глаза, объединиться во имя спасения родины. Это объединение прежде всего должно быть выражено в форме не только доверия, но искреннего признания Временного правительства как верховной власти, которую мы должны поддерживать всеми средствами и способами» (см. Т. 1, док. № 233).

В середине мая 1917 г. разгорелся конфликт между Центральным исполнительным комитетом Севастопольского совета депутатов армии, флота и рабочих и командованием флота. Начались аресты офицеров, росла антивоенная пропаганда (см. Т. 1, док. № 242, 243, 245, 251, 252). Колчак решил обратиться к главе Временного правительства князю Г. Е. Львову с просьбой об отставке (см. Т. 1, док. № 244). Конфликт удалось урегулировать при участии нового

военного и морского министра А. Ф. Керенского, приехавшего в Севастополь (см. Т. 1, док. № 249).

Вскоре разразился новый конфликт. В начале июня делегатское собрание в Севастополе приняло решение «отобрать от всех офицеров оружие». Колчак отказался его выполнять и демонстративно бросил свою саблю в море, после чего заявил об отставке: «Этим поступком наносится глубокое оскорбление мне и всему офицерскому составу и вносится рознь и разлад в вооруженную силу. Считаю, что моя дальнейшая деятельность в Черном море, равно как и деятельность начальника моего штаба, более не может быть полезна и для блага отечества необходимо немедленное назначение нового командующего флотом, а потом и нового начальника штаба» (см. Т. 1, док. № 256). Временное правительство согласилось с его отставкой. Местный совет намеревался арестовать Колчака, но это решение не было поддержано большинством голосов (см. Т. 1, док. № 259).

Колчак выехал из Севастополя в Петроград. В столице он вступил в Союз офицеров армии и флота, почетным председателем которого был также отправленный к этому времени в отставку с поста Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М. В. Алексеев. Помимо членства в Союзе офицеров Колчак возглавил военный отдел Республиканского центра. В это время он встречался с известными политиками — министрами Временного правительства П. Н. Милюковым и В. В. Шульгиным.

В июне 1917 г. Колчак принял предложение посла США Э. Рута и адмирала Дж. Х. Гленнона посетить с миссией Америку. 27 июня 1917 г. Временное правительство санкционировало эту миссию: «Во исполнение просьбы правительства Северо-Американских Соединенных Штатов, командировать в Америку для сообщения флоту Республики нашего опыта по ведению морской войны специальную Морскую миссию в составе вице-адмирала Колчака и трех офицеров по выбору Морского министерства» (см. Т. 1, док. № 267).

Отправляясь в Америку, адмирал не исключал для себя возможности перехода на иностранную военную службу, где его знания и опыт могли пригодиться в войне с врагом. Об этом он писал в письме А. В. Тимиревой: «Я ухожу в ближайшем будущем в Нью-Йорк. Итак, я оказался в положении, близком к кондотьеру, предложившему чужой стране свой военный опыт, знания и, в случае надобности, голову и жизнь в придачу. Вопросы все решены, и что делать — для меня не представляет сомнений» (см. Т. 1, док. № 263).

По пути в США Колчак посетил Великобританию (прибыл в Лондон в начале августа 1917 г.), где провел около месяца. По словам самого Колчака, там он «виделся исключительно только с морскими деятелями»: с морским министром адмиралом Джеллико, несколько раз был у начальника Морского генерального штаба генерала Холя, познакомился с морской авиацией и постановкой в Англии морских авиационных станций (см. Т. 2, док. № 289).

В Америку Колчак с другими членами делегации прибыл 30 августа 1917 г. (см. Т. 1, док. № 273). Газета «Evening Star» одной из важнейших целей его поездки назвала обсуждение совместных действий русского флота с флотами союзников (см. Т. 1, док. № 272). Надеялся на совместную военную операцию и сам Колчак. Но, как он сам писал А. В. Тимиревой, уже 29 сентября: «Надежды на

участие в известной Вам операции не оправдались. Обсуждение этого вопроса в Вашингтоне выяснило неосуществимость такого предприятия из-за недостатка тоннажа. Кроме того, англичане с Джеллико, озабоченные снабжением Великобритании, решительно против этой операции, т. к. выделить для нее несколько сот пароходов теперь невозможно. Мои дела поэтому заканчиваются, и я чувствую необходимость вернуться в Россию, хотя совершенно не знаю, что буду там делать» (см. Т. 1, док. № 279). В том же письме Колчак рассказывал о своих дальнейших планах: «Navy Department предложил, кроме того, посетить С[ан]-Франциско и Пьюджет-Саунд, и мне не хочется отказываться от этого предложения, а т. к. мы попадем на берег Тихого океана, то путь на Владивосток является естественным».

Во время своего пребывания в США Колчак встречался с военным министром Н. Бейкером и морским министром Д. Дениелсом (см. Т. 1, док. № 274), виделся с государственным секретарем Р. Ленсингом, 16 октября 1917 г. имел беседу с президентом США В. Вильсоном (см. Т. 1, док. № 281). В течение двенадцати дней Колчак находился на флагмане американского флота «Пенсильвания» и участвовал во флотских маневрах (см. Т. 2, док. № 289).

27 октября 1917 г., спустя два дня после Октябрьской революции, Колчак покинул Америку тем путем, каким и планировал, т. е. через Тихий океан (см. Т. 1, док. № 282).

Прибыв в Японию, он получил известие об аресте Временного правительства и захвате власти большевиками. В январе 1918 г. в одном из писем А. В. Тимиревой Колчак писал, что полученные им из России известия произвели «впечатление какого-то сумасшедшего бреда», и писал о своем психологическом состоянии: «Моя вера в войну, ставшая положительно каким-то религиозным убеждением, покажется Вам дикой и абсурдной, и в конечном результате страшная формула, что я поставил войну выше родины, выше всего, быть может, вызовет у Вас чувство неприязни и негодования. Я отдаю отчет в своем положении — всякий военный, отдающий другому государству все, до своей жизни включительно (а в этом и есть сущность военной службы), является кондотьером с весьма сомнительным отражением на идейную или материальную сущность этой профессии. [...] Хотя бы поскорее попасть на фронт и найти там “отдых”; кажется, первый раз в жизни я чувствую, что “устал”, и хочется временами “отдохнуть”» (см. Т. 1, док. № 285).

«Вскоре после этого, — рассказывал Колчак на допросе в Иркутске в начале 1920 г., — получилось известие о Брестском мире и переговорах. Это было для меня самым тяжким ударом [...] Я видел, что вся работа моей жизни кончилась именно так, как я этого опасался и против чего я совершенно определенно всю жизнь работал. Для меня было ясно, что этот мир обозначает полное наше подчинение Германии, полную нашу зависимость от нее и окончательное уничтожение нашей политической независимости». Поэтому Колчак принял решение «продолжить все же войну как представитель бывшего русского правительства, которое дало известное обязательство союзникам» (см. Т. 2, док. № 289).

О своих намерениях Колчак сообщил своей супруге Софье Федоровне в письме от 1 (14) декабря 1917 г.: «Я могу сказать только, что до сего дня не решил еще

вопроса о возвращении в Россию, т. к. вступил в переговоры с Британским правительством. Меня англичане уведомили о невозможности ехать в Петроград или Москву, и поэтому надо избрать какой-то совершенно особый путь. [...] Если окажется совершенно бесполезным возвращение в Россию, то я постараюсь принять участие в войне на Западном фронте. Мне очень жаль, что я ничего определенного сказать сейчас не могу. Я здоров и участие в войне — есть первое и основное мое желание, т. к. я не вижу, каким образом я могу служить своей Родине, кроме борьбы с ее главным врагом» (см. Т. 1, «Материалы семейного архива А. В. Колчака...», илл. № 6).

Колчак обратился к английскому посланнику в Токио Ч. Грину с просьбой принять его на английскую военную службу. «Недели через две, — по словам самого Колчака, — пришел ответ от Военного министерства Англии. Мне сначала сообщили, что Английское правительство охотно принимает мое предложение относительно поступления на службу в армию и спрашивает меня, где я желал бы предпочтительнее служить. Я ответил, что обращаюсь к ним с просьбой принять меня на службу в Английскую армию, не ставлю никаких условий и предлагаю использовать меня так, как они найдут это возможным» (см. Т. 2, док. № 289).

Английское правительство предложило Колчаку отправиться в Бомбей и явиться в штаб Индийской армии, где он должен был получить указание о новом назначении на Месопотамский фронт.

Однако служить в английской армии Колчаку не довелось: перед самым отъездом, находясь в Шанхае, он получил письмо бывшего российского посланника в Китае князя Н. А. Кудашева с просьбой прибыть в Пекин. Предполагалось, что Колчак войдет в состав правления Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и ему будет поручено формирование вооруженных отрядов для охраны полосы отчуждения дороги.

25 января 1918 г. генеральный консул в Шанхае В. Ф. Гроссе сообщил князю Кудашеву, что «адмирал считает возможным отложить свой отъезд только при условии получения прямого приказа прибыть в Пекин от представителя английского правительства, на службе коего он находится» (см. Т. 1, док. № 284).

Не получив такого приказа, Колчак отправился к месту новой службы. Сам он рассказывал об этом так: «Из Шанхая я уехал на пароходе в Сингапур. В Сингапуре ко мне прибыл командующий войсками генерал Ридаут приветствовать меня, передал мне срочно посланную в Сингапур телеграмму от директора Intelligence Department— Осведомительного отдела военного Генерального штаба в Англии. Телеграмма эта гласила так: Английское правительство, принявши мое предложение, тем не менее в силу изменившейся обстановки на Месопотамском фронте — потом я узнал, в каком положении дело, но раньше я не мог этого предвидеть — считает ввиду просьбы, обращенной к нему со стороны нашего посланника князя Кудашева, что будет полезно для общего союзнического дела, чтобы я вернулся в Россию, что мне рекомендуется ехать на Дальний Восток, начать там свою деятельность, и это с их точки зрения является более выгодным, чем мое пребывание на Месопотамском фронте» (см. Т. 2, док. № 289).

Так Колчак оказался в Харбине. Он принял командование вооруженными силами в полосе отчуждения КВЖД, вошел в Правление Общества железной дороги. На заседании 15 апреля 1918 г.¹ Правление поручило Колчаку «заведывание и высшее командование всеми русскими вооруженными силами, находящимися в районе дороги, и управление военной ее частью» (см. Т. 1, док. № 282). Однако объединить в своих руках командование всеми отрядами, бывшими в распоряжении Правления, Колчаку не удалось. Реальной боеспособной силой в районе КВЖД в тот момент были военные отряды Г. М. Семенова, И. П. Калмыкова и Н. В. Орлова. Причем первые два пользовались особой поддержкой японцев, и их командиры отказывались подчиняться адмиралу, которого рекомендовали британцы. Офицеры и солдаты третьего отряда, хотя формально и встали под команду Колчака, но, по сообщениям современников, далеко не единодушно приветствовал смену командования.

Свою позицию имели китайские военные власти, не желавшие политических разборок среди русской эмиграции и военных действий на границе с Россией, которые могли повлечь за собой вторжение Красной армии в Маньчжурию.

Не сумев в таких условиях организовать работу и привести к повиновению подчиненных, Колчак пришел к мысли отправиться в Токио, чтобы лично урегулировать отношения с японцами. 30 июня 1918 г., передав командование генерал-майору Б. Р. Хрещатицкому, он выехал для переговоров в Японию. О причинах поездки Колчак писал полковнику Н. В. Орлову: «В интересах общего нам дела я решил покинуть Харбин и отправиться в Японию. [...] Свою настоящую миссию я признаю необходимой, так как нам нужна материальная помощь иностранцев. И я буду пока работать здесь в этом направлении»¹¹. Формально Колчак был выведен из состава Правления Общества КВЖД только в октябре 1918 г. (см. Т. 1, док. № 291).

В Японии с Колчаком встретился английский генерал А. Нокс. Они обсуждали перспективы антибольшевистской борьбы на территории Сибири и Дальнего Востока. Позднее Колчак так описал суть их беседы: «По поводу создания власти я могу сказать следующее. Когда я приехал в Токио, то Нокс сделал мне визит. Разговаривая со мной о положении на Дальнем Востоке, он спросил меня, что я делаю. Я изложил ему подробно свою эпопею на Дальнем Востоке и причину, почему я уехал оттуда и нахожусь в Японии. Он просил меня сообщить, что происходит во Владивостоке, так как, по его мнению, нужно было организовать власть. Я сказал, что организация власти в такое время как теперь возможна только при одном условии, что эта власть должна опираться на вооруженную силу, которая была бы в ее распоряжении. [...] Мы очень долго беседовали по поводу того, каким образом организовать эту силу, так как Нокс, по-видимому, приехал с широкими задачами и планами, которые ему впоследствии пришлось изменить. Он приехал помочь организации армии» (см. Т. 2, док. № 289).

В те дни Колчак рассматривал также возможность присоединиться к Добровольческой армии на Юге России. Об этом намерении можно прочитать в одном

¹ Здесь и далее даты по новому стилю.

¹¹ Цитируется по: *Зырянов П. Н.* Указ. соч. С. 375.

из его более поздних писем супруге, где он кратко описывал все случившееся с ним после возвращения из Морской миссии: «После отъезда в США¹ в качестве начальника военно-морской миссии переписка с тобой прервалась. Я решил вернуться в Россию, в армию, и продолжать войну с немцами на каких угодно условиях. Это было в октябре 1917 г. Большевистский переворот произошел во время моего перехода через Тихий океан, и о нем я узнал, только придя в Японию в ноябре. Мне осталось сделать то, что я сделал: поступить на великобританскую службу и попытаться проникнуть с английскими войсками на Юг России. [...] Но выполнить это мне не удалось. Я доехал до Сингапура, откуда английское правительство вернуло меня в Пекин и даже в Маньчжурию для работы по организации вооруженной силы для борьбы с большевизмом. В апреле 1918 г. я начал эту работу. Но мне пришлось столкнуться с крайне сложной международной обстановкой Дальнего Востока, которая привела меня к конфликту с японским генеральным штабом [...] но в конце концов я [...] решил уехать в Сибирь к генералу Алексееву^{II,III}».

В итоге из Японии Колчак отправился на российский Дальний Восток и в Сибирь.

В сентябре 1918 г. он дал интервью иркутской газете «Свободный край», в котором провозглашалась необходимость создания антибольшевистского фронта при содействии союзников. Вот выдержки из интервью: «Я — человек военный и чужд всякой политики. Всю жизнь я работал для войны. Я давно видел неизбежность этой войны, я желал ее и готовился к ней, еще будучи относительно молодым и занимая скромные должности. [...] Если война будет выиграна, то революция принесет желанные плоды. Если же война будет проиграна, то погибнет и революция. [...] Только тогда и может существовать правительство, только тогда можно думать об Учредительном собрании, когда есть вооруженная сила. Только вооруженная сила может обеспечить гражданскую безопасность и обеспечить экономическое существование. [...] Надо создать фронт. И это можно лишь при содействии союзников. Только они могут дать необходимые войска и технические средства. [...] При помощи союзников и создании элементарных условий гражданской жизни — личной и имущественной безопасности — возможно будет сформировать местные органы самоуправления, которые постепенно выдвинут более широкие государственные институты, например, областные правительства. [...] Под прикрытием фронта, имея обеспеченный тыл, можно будет собрать Сибирскую Думу и установить правительство, которое при дальнейшем продвижении фронта на запад будет развиваться до конечной цели: созыва Российского Учредительного собрания и установления государственной власти, согласно воле свободного народа»^{IV}.

¹ Соединенные Штаты Северной Америки — принятое в России в XIX — начале XX вв. название США.

^{II} В данном случае, вероятно, Колчак имел в виду переезд через Сибирь в Добровольческую армию.

^{III} Цитируется по: Ганин А. В. Адмирал Колчак: «Я завел себе котенка, который разделяет со мной ночное одиночество» // Родина. 2019. № 12. С. 101

^{IV} Свободный край. Иркутск. 25 (12) сентября 1918 г. № 72.

В середине октября 1918 г. в сопровождении генерала А. Нокса Колчак прибыл в Омск. Здесь он узнал о смерти генерала Алексеева, после чего окончательно отказался от идеи следовать на Юг России в Добровольческую армию. Тем более, что уже 16 октября член Директории Временного Всероссийского правительства генерал В. Г. Болдырев предложил Колчаку пост военного и морского министра.

Директория сама обосновалась в Омске только в начале октября. Чтобы понять место и роль этого антибольшевистского органа власти периода гражданской войны, следует сказать несколько слов о его возникновении.

Захват власти большевиками в октябре 1917 г. не был признан многими влиятельными политическими силами России. Однако среди недовольных не было единства — часть из них пыталась восстановить разогнанное большевиками Учредительное собрание как легитимный и признанный всеми орган власти республиканской России. Другие — в большинстве представители правых политических сил — отрицали необходимость реанимации Учредительного собрания и склонялись к восстановлению монархии и военной диктатуре¹.

В мае 1918 г. на всем протяжении Транссибирской магистрали, в городах Поволжья, Урала и Сибири, вспыхнул мятеж 50-тысячного чехословацкого корпуса. За короткое время советская власть была свергнута почти во всех поволжских, уральских и сибирских городах.

Среди правительств, образованных на освободившихся от большевиков территориях, ведущую роль играли два: Комитет членов Учредительного собрания в Самаре (Комуч) и Временное сибирское правительство в Омске, созданное в июне 1918 г. У каждого из них имелись свои вооруженные силы: у Комуча — Народная армия, у Сибирского правительства — Сибирская армия. Наименования первых постановлений Омского правительства характеризуют его деятельность: «О недопущении советских организаций», «О возвращении владельцам их имений», «О ликвидации рабочего контроля», «О восстановлении судебных учреждений Сибири» (суду подлежали представители советской власти), «Временные правила о мерах по охране государственного порядка и общественного спокойствия» (пресекались любые проявления сопротивления новому режиму).

Оба антибольшевистских правительства начали переговоры об образовании единой власти. Окончательное соглашение было достигнуто на совещании в Уфе. В результате 23 сентября 1918 г. решением Государственного совещания было создано объединенное коллегиальное правительство из пяти человек — Директория (Временное Всероссийское правительство), под председательством

¹ Подробнее о развитии белого движения в России см.: *Рыбников В. В.* «Белое дело» в литературе и источниках. Историографическое исследование проблем белого движения в гражданской войне в России (1917—1922 гг.). М., 2001; *Коровин А. А.* Современная историография «демократической контрреволюции» в восточной части России // *Россия в XX веке: история и историография.* Екатеринбург, 2002; *Немчинова Т. А.* Современная российская историография белого движения в Сибири. Улан-Удэ, 2002; *Трукан Г. А.* Антибольшевистские правительства России. М., 1994.

одного из лидеров партии эсеров Н. Д. Авксентьева, в прошлом министра Временного правительства¹.

9 октября 1918 г. Директория покинула Уфу в связи с угрозой захвата города наступающими советскими войсками и переехала в Омск.

Получив предложение от Директории принять пост ее военного и морского министра, Колчак сначала отказался, но потом дал согласие с условием, что, если обстановка и порядок работы будут противоречить его взглядам, он оставляет за собой право уйти в отставку. 4 ноября 1918 г. Колчак был назначен военным министром Временного Всероссийского правительства (см. Т. 2, док. № 4).

Через две недели Колчак поддержал переворот, осуществленный частью членов Правительства во главе с кадетом П. В. Вологодским при непосредственном участии сибирских казаков под командой полковника В. И. Волкова и войсковых старшин И. Н. Красильникова и А. В. Катанаева. В ночь с 17 на 18 ноября 1918 г. социалистов — членов Директории Н. Д. Авксентьева, А. А. Аргунова и В. М. Зензинова — арестовали. Съезд членов Всероссийского Учредительного собрания в своем воззвании произошедшее назвал заговором: «17 ноября в Омске кучка заговорщиков арестовала членов Всероссийского временного правительства: Авксентьева, Зензинова, Аргунова. Часть министров во главе с членом правительства Вологодским нарушила торжественное обязательство, подписанное ими самими, захватила власть и объявила себя Всероссийским правительством, назначив диктатором адмирала Колчака» (см. Т. 2, док. № 12).

В свою очередь управляющий Министерством иностранных дел Временного Всероссийского правительства Ю. В. Ключников направил всем посланникам за границей циркуляр, в котором изложил точку зрения на переворот заговорщиков: «В ночь с 17 на 18 ноября вооруженным отрядом подвергнуты аресту члены Директории Авксентьев, Зинзинов, Аргунов и товарищ министра внутренних дел Роговский, заведовавший делами милиции. Арест части Директории без ведома о нем Совета министров явился результатом назревшего неудовольствия военной среды и широких государственно настроенных общественных кругов, озабоченных скорейшим укреплением государственной власти» (см. Т. 2, док. № 20).

22 ноября 1918 г. последовало заявление самих арестованных членов Директории, в котором они рассказали обо всех обстоятельствах ареста и переговоров с новой властью, осуществлявшихся через министра юстиции С. С. Старынкевича: «На грузовом автомобиле в сопровождении пеших и конных чинов нас повезли за город, как потом оказалось, в Сельскохозяйственную школу, занятую под казармы отрядом Красильникова. В одной из комнат этих казарм мы и содержались под стражей до дня 19 ноября. На вопросы о причине ареста мы получали от офицеров неопределенные ответы, вроде — по приказу высших властей и пр[очее]. [...] Вместе с тем через г[осподина] Старынкевича мы

¹ Акт об образовании всероссийской верховной власти, принятый на Государственном совещании, имевшем место в городе Уфе с 8 по 23 сентября 1918 г. См.: Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. XII. С. 189; История России 1917–1940 гг. М., 1987. С. 102–105; За спиной Колчака : документы и материалы / сост. А. В. Квакин. М., 2007. С. 166–167.

получили разрешение вопроса о дальнейшей судьбе. Нам предлагалось на выбор: или высылка за границу, или перевод в тюрьму — в какой-либо отдаленный пункт Сибири. Свободное проживание где-либо на территории России не считалось допустимым... Взвесив все обстоятельства, мы выбрали высылку за границу» (см. Т. 2, док. № 36).

Первыми официальными документами нового правительства стали постановления о принятии на себя всей полноты государственной власти, о производстве Колчака в полные адмиралы, о передаче ему верховной государственной власти и присвоении звания Верховного правителя (см. Т. 2., док. № 6–8).

Общественные круги Сибири по-разному отреагировали на события 18 ноября. Земские учреждения, городские власти, представители кооперации и проч сразу после переворота отправили на имя Колчака и его правительства приветственные телеграммы¹, в печати были опубликованы заявления в его поддержку (см., например, Т. 2, док. № 58).

Установление диктатуры раскололо антибольшевистские силы. В поддержку адмирала выступила кадетская партия. Эсеры же встали в жесткую оппозицию. В своем воззвании 5 декабря 1918 г., подготовленном совместно с Президиумом съезда членов Учредительного собрания, они призывали: «Вооруженную борьбу против большевиков прекратить и все силы демократии направить против диктатуры Колчака» (см. Т. 2, док. № 47).

Совет управляющих ведомствами при Комуче заявил: «Узурпаторская власть, посягнувшая на Всероссийское правительство и Учредительное собрание, никогда не будет признана. Против реакционных банд Красильникова и Анненкова Совет готов выслать свои добровольческие части» (см. Т. 2, док. № 18).

Среди военных также не было единого мнения о новом правительстве и новом диктаторе. Сибирское и Оренбургское казачьи войска через своих атаманов одобрили свержение Директории. Часть офицеров одобрила переворот и утверждение Колчака в должности Верховного правителя. М. А. Иностранцев пишет в своих воспоминаниях о том, как новость о падении Директории встретили в Академии генерального штаба: «Когда мы собрались однажды тесной академической семьей у одного из наших товарищей, один из только что прибывших гостей вошел с газетой в руках и громко сказал: “Господа! Директория и Учредительное собрание окончили свое существование, в Омске произошел переворот, и мы имеем, наконец, диктатора”. Затем было прочитано вслух сообщение о том, что Сибирским правительством решено “вручить всю полноту государственной власти” адмиралу Колчаку. [...] Все мы были чрезвычайно довольны этим известием. Чувствовалась необходимость единой, сильной и объединяющей власти, чувствовалась крайняя потребность в сильной воле и руке, и выбор лица для этого представлялся в то время как нельзя более удачным»¹¹.

¹ Приветственные послания Верховному правителю и Верховному главнокомандующему адмиралу А. В. Колчаку, ноябрь 1918 — ноябрь 1919 г. : сборник документов / сост. и науч. ред. В. В. Журавлев. СПб., 2012.

¹¹ Цитируется по: *Иностранцев М. А. Воспоминания. Конец империи, революция и начало большевизма* / под ред. А. В. Ганина. М., 2017. С. 744–745.

Советник Министерства иностранных дел Российского правительства на Дальнем Востоке В. Э. Грэвс указывал, что известие о перевороте «единодушно было приветствовано» военными и гражданскими властями во Владивостоке (см. Т. 2, док. № 21).

С другой стороны, свержение Директории не встретило сочувствия среди чехословаков, являвшихся серьезной военной силой в Сибири. Несмотря на то, что командир Чехословацкого корпуса генерал-майор Ян Сыровы призвал своих подчиненных сохранять нейтралитет, Чешский национальный совет выступил против переворота. Из слов, сказанных уполномоченным Чешского национального совета Ф. Власаком в разговоре по прямому проводу, видно, что с ним был солидарен и бывший Главнокомандующий вооруженными силами России генерал-лейтенант В. Г. Болдырев: «Болдырев меня вызвал к Войцеховскому, где сказал, что свершилось в Омске безобразия, и означает катастрофу; интересовался отношением Национального совета и нашего войска. Я ему сказал, что Национальный совет такую авантюру поддерживать не будет, потому что это совершенно противоречит революционному демократическому настроению наших солдат» (см. Т. 2, док. № 14).

Многие фронтовики, утомленные боями, известие о перевороте встретили спокойно и даже равнодушно. «До переворота Директория ни в чем не проявила еще своей работы, и судьба ее мало кого интересовала, — вспоминал в то время подполковник Народной армии П. П. Петров. — В отношении армии деятельность новой власти проявилась только в некоторых производствах и во введении ношения погон. [...] Недостатки новой власти за ежедневной фронтовой работой не обсуждались. Поэтому-то фронт просто удивился в первые дни переворота. Даже ярые противники эсеров говорили: “Нашли время!”»¹.

После свержения Директории осложнились отношения Колчака с генерал-майором Г. М. Семеновым. Последний, памятуя о своей вражде с Колчаком еще в Харбине, отказывался ему подчиняться. В разговоре по прямому проводу с начальником штаба Верховного главнокомандующего Д. А. Лебедевым генерал-майор В. И. Волков говорил о позиции Семенова, что тот «не желает признавать власть адмирала, выдвигает кандидатуру Хорвата, Деникина и Дутова» (см. Т. 2, док. № 44). Центром власти атамана Семенова была Чита, в Забайкалье он пользовался авторитетом, особенно у казаков, и имел возможность самостоятельно проводить мобилизации в собственные отряды. Омск долгое время не мог привести атамана к повиновению или хотя бы сотрудничеству. Среди документов настоящего сборника есть рапорт, содержащий аналитический материал о причинах конфликта между Колчаком и Семеновым (см. Т. 2, док. № 63). Автор рапорта, некто Н. Романов, судя по всему, сотрудник или агент Американской военной миссии на Дальнем Востоке, очень подробно освещает среди прочего апофеоз конфликта, а именно издание Колчаком 1 декабря 1918 г. приказа № 61, которым «полковник Семенов за неповиновение, нарушение телеграфной связи и сообщений в тылу армии, что является актом государственной измены, от-

¹ Петров П. П. От Волги до Тихого океана в рядах белых. Воспоминания, документы / сост. С. П. Петров, Л. Ю. Тремсина. М., 2011. С. 119.

решается от командования 5-м корпусом и смещается со всех должностей, им занимаемых»¹. Однако, осознав бесполезность подобного приказа, Верховный правитель отправил в Читу миссию с целью переговоров с атаманом. «Было странно наблюдать, — пишет Н. Романов, — готовность Колчака на официальные переговоры с уже объявленным государственным изменником».

Формально конфликт завершился только 25 мая 1919 г., когда Колчак издал приказ, который снимал с Семенова обвинение в государственной измене и назначал его командиром 6-го Восточно-Сибирского корпуса (см. Т. 2, док. № 131).

Несмотря на недовольство, а также прямые попытки свергнуть новую власть (как, например, восстание в Омске 22 декабря 1918 г.; см. Т. 2, док. № 53, 54, 60), само правительство и адмирал Колчак на первых порах пользовались достаточной поддержкой.

Российское правительство — так стал называться исполнительный орган антибольшевистской власти в Омске — утвердило государственную символику — гимн «Коль славен наш Господь в Сионе», трехцветный (бело-сине-красный) государственный флаг и герб (двуглавый орел без символов монархической власти)¹¹. Колчак был объявлен единоличным правителем, а Совет министров возглавил известный сибирский юрист П. В. Вологодский. И. А. Михайлов сохранил за собой пост министра финансов, будущий сменовеховец Ю. В. Ключников стал управляющим Министерством иностранных дел (при министре Сазонове), правый кадет В. Н. Пепеляев стал министром внутренних дел. В состав правительства вошли кадеты, сибирские областники, а также беспартийные.

Полномочия правительства были обозначены в принятом «Положении о временном устройстве государственной власти в России» (его называли иногда «Конституцией 18 ноября»; см. Т. 2, док. № 9). Согласно ему, Совет министров мог издавать только подзаконные акты, постановления, ведомственные инструкции. Юридические документы, имевшие статус законов, должны были поступать на личное утверждение Верховному правителю. Последний имел право издавать собственные указы и распоряжения без предварительного согласования с правительством.

Став Верховным правителем, Колчак оказался и во главе армии, сражавшейся на Восточном фронте — важнейшем для Белого движения. Об отношении к своему новому положению Колчак писал супруге в Париж (письмо от 15 октября 1919 г.): «Мне странно читать в Твоих письмах, что Ты спрашиваешь меня о представительстве и каком-то положении своем как жены Верховного правителя. [...] Я не являюсь ни с какой стороны ни представителем наследственной или выборной власти. Я смотрю на свое звание как на должность чисто служебного характера. По существу, я — Верховный главнокомандующий, принявший на себя функции и Верховной Гражданской Власти, так как для успешной

¹ Цитируется по: Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. (Впечатления и мысли члена Омского правительства). М., 2007. С. 280–281.

¹¹ Правительственный вестник. 13 декабря 1918 г. № 21.

борьбы нельзя отделять последние от функций первого» (см. Т. 2, «Материалы семейного архива А. В. Колчака...», илл. № 7).

Как сторонник диктатуры в период войны, Колчак был убежден в преимуществах единоличной власти перед коллегиальной. По свидетельству бывшего министра финансов Уральского областного правительства, члена ЦК кадетской партии Л. А. Кроля, Колчак, «как и большинство военных [...] очень высоко ставил “Устав о полевом управлении войск”¹, который, может быть, вполне пригоден для занятых армией мест в неприятельской стране, но чрезвычайно мало пригоден в Гражданской войне, в применении у себя дома»^{II}. В беседе с управляющим делами Правительства Г. К. Гинсом в октябре 1919 г. адмирал называл «Положение...» «несравненным по обдуманности и стройности», воплотившим в себе «опыт и гений веков». В то же время в своих представлениях о будущих путях развития России Колчак разделял многие положения политической программы кадетской партии^{III}, в том числе и о беспощадной борьбе с большевиками. «Первейшею и самую главную обязанностью правительства является борьба с большевизмом до полного его уничтожения, — говорил он в апреле 1919 г. — Поэтому правительство обязано организовать армию необходимую для этой борьбы. А так как надлежащая поддержка армии зависит от устройства внутренне-государственных отношений, то правительство обязано так же разрешить вопросы внутреннего управления» (см. Т. 2, док. № 103 и «Материалы семейного архива А. В. Колчака...», илл. № 2).

В своих публичных выступлениях и официальных документах Колчак неоднократно делал заявления по одному из главных вопросов, раскалывавших Белое движение, — об организации власти после победы над большевиками и созыве Учредительного собрания.

30 ноября 1918 г. в «Правительственном вестнике», официальном органе Российского правительства, была опубликована беседа Верховного правителя с журналистами. Среди прочего, Колчак сказал: «Я избегаю называть Национальное собрание — Учредительным собранием, так как последнее слово слишком скомпрометировано. Опыт созыва Учредительного собрания, собранного в дни развала страны, дал слишком односторонний партийный состав. [...] Вот почему я и говорю о созыве Национального собрания, где народ в лице своих уполномоченных представителей установит формы государственного правления, соответствующие национальным интересам России» (см. Т. 2, док. № 40). Неприязнь Колчака к самому названию «Учредительное собрание» подтверждается тем, что в тот же самый день, 30 ноября, им был издан приказ о предании военно-полевому суду бывших членов Самарского комитета членов Учредительного собрания (см. Т. 2, док. № 42).

^I Так в документе. Правильно: «Положение о полевом управлении войск в военное время».

^{II} *Кроль Л. А.* За три года: Воспоминания, впечатления и встречи. Владивосток, 1921. С. 166–167.

^{III} *Гинс Г. К.* Указ. соч. С. 349.

В дальнейшем Колчак старался избегать упоминания об Учредительном собрании, но сама его идея, заключающаяся в широком демократическом народном представительстве, продолжала сохранять популярность. Установления такого представительства требовали самые различные круги как в России, так и за границей. Примером может служить воззвание Русского крестьянского союза в Америке от 4 апреля 1919 г. Выражая поддержку Российскому правительству А. В. Колчака, представители союза писали: «Омское правительство, с адмиралом Колчаком во главе, ясно несколько раз заявляло, что его целью является восстановление закона и порядка в России, чтобы, таким образом, дать возможность русскому народу созвать Всероссийское Учредительное собрание, которое, в свою очередь, будет иметь право и власть решить политическое будущее России» (см. Т. 2, док. № 101). Настойчиво напоминали об Учредительном собрании Колчаку и союзники. Неудивительно, что в информационном обзоре Главного штаба (апрель 1919 г.) подчеркнуто: «Декларация нашего правительства с указанием на стремление довести страну до Учредительного собрания встречена американскими широкими слоями общества с большим удовлетворением» (см. Т. 2, док. № 113).

Упомянутая Декларация была выпущена Российским правительством 12 января 1919 г. В ней говорилось, что Правительство стремится «подготовить страну к выборам во Всероссийское национальное собрание и в ближайшее время созовет комиссию для разработки соответствующего положения». Однако время шло, а комиссия не появлялась. В апрельской листовке «Адмирал Колчак о земле и политике» прозвучало следующее обещание Колчака: «Я откровенно и искренно заявляю Вам, что то Правительство, которое я представляю, намерено пригласить все партии помочь установить в государстве мир, дать столь измученной революцией стране порядок, законность и право и обеспечить русскому народу возможность без насилия со стороны какой-либо партии свободно вывить свою волю через Учредительное собрание» (см. Т. 2, док. № 102).

16 мая 1919 г. последовал указ Верховного правителя о начале работы Подготовительной комиссии по разработке вопросов о Всероссийском представительном собрании учредительного характера и областных представительных органов (см. Т. 2, док. № 123).

После издания этого указа Правительство замолчало на целый месяц. В это время, а именно 31 мая 1919 г., Колчаку был подан генералом Р. Гайдой доклад, составленный начальником информационного отделения штаба Сибирской армии капитаном Калашниковым. В этом аналитическом докладе речь шла о неудачах на фронте, восстаниях в тылу, общественном недовольстве и необходимости изменения политики Правительства. Одной из важных проблем автор доклада считал чрезмерное затягивание в вопросе об Учредительном собрании: «Отношение власти к национальному собранию и самые принципы выборов в него частью малоизвестны, частью совершенно не известны населению: медленность подготовительной работы вызывает подозрения о нежелании созвать Учредительное собрание». Здесь же предлагалось компромиссное решение — созыв собрания в усеченном варианте: «Ввиду особого положения фронта и тыла

необходимо, чтобы власть срочно приступила к созданию полномочного органа народного представительства освобожденных территорий, хотя бы в форме Сибирского учредительного собрания» (см. Т. 2, док. № 141).

Во второй половине июня 1919 г. Российским правительством была выпущена листовка о подготовке к созыву Учредительного собрания. В ней говорилось: «Всероссийское правительство, возглавляемое адмиралом Колчаком, указом от 19-го июня начало подготовительную работу для созыва Учредительного собрания в местностях, освобожденных от ига большевиков» (см. Т. 2, док. № 150). Комиссия начала свою работу, председателем ее был назначен А. С. Белевский (Белорусов) (о составе комиссии см. Т. 2, прим. № 153). Однако ее работа не дала видимых плодов.

28 июля 1919 г. Колчак издал приказ № 170, текст которого весьма примечателен, если учитывать то, что военные действия на тот момент длились уже более полугода: «Ко мне поступают сведения, что во многих частях до настоящего времени остаются неизвестными цели и задачи, во имя которых я веду и буду вести с большевиками войну до полной победы. [...] Мы ведем борьбу за право самого народа путем свободных выборов и голосования в Учредительном национальном собрании определить свою судьбу в устройстве государственной власти и в удовлетворении потребностей земледельцев в земле и рабочих условиями и обстановкой труда» (см. Т. 2, док. № 172).

В тот же день Верховный правитель написал письмо командующему Средне-Сибирским корпусом генерал-лейтенанту А. Н. Пепеляеву. В нем также упоминалось Учредительное собрание, правда, в совершенно другом контексте: «М. К. Дитерихс [...] изложил мне разговор с Вами и Вашими начальниками дивизий, бывший в Тюмени 19 сего июля,— немедленный созыв Учредительного собрания. [...] Ведь это точное повторение тех событий, которые определили созыв Учредительного собрания 1917 г., которое избрало председателем Чернова и запело интернационал. [...] Я считаю немедленный созыв Учредительного собрания, помимо фактической невозможности “немедленно” это сделать, гибелью всей огромной и успешной, в общем, борьбы с большевизмом. Это будет победа эсеровщины, того разлагающего фактора государственности, который в лице Керенского и К^о естественно довел страну до большевизма. На это я никогда не пойду» (см. Т. 2, док. № 174).

В Сибири, однако, существовал своего рода представительный орган— Государственное экономическое совещание. Оно состояло из представителей министерств, коммерческих организаций, кооперативов и местного самоуправления. Компетенция Совещания ограничивалась экономической сферой и, как следует из названия, роль его при Правительстве была совещательной, хотя во время заседаний высказывались объективные, в том числе неприглядные для власти, суждения о финансово-экономическом состоянии Сибири и Дальнего Востока.

В июле 1919 г. именно Государственное экономическое совещание предложило вариант временного решения вопроса о народном представительстве. Членами этого учреждения была составлена докладная записка на имя Верховного правителя, в которой, настаивая на том, что «созыв Учредительного народного собрания на основе всеобщего избирательного права по освобождении России

обязателен», они предлагали преобразовать Государственное экономическое совещание в Государственное совещание. По замыслу авторов докладной записки, новое учреждение должно было стать «законосовещательным органом по всем вопросам законодательства и государственного управления» (см. Т. 2, док. № 180).

Совет министров взялся за рассмотрение этого проекта только в сентябре 1919 г. Вот как об этом пишет в своем дневнике барон А. П. Будберг (запись от 14 сентября): «Все утро провел в экстренном совещании Совета министров, рассматривавшего срочный вопрос о преобразовании Гос[ударственного] экон[омического] совещания в законосовещательный орган. [...] Сейчас созыв такого совещания — это последняя ставка наличной власти на то, чтобы заставить население поверить в желание власти работать на его пользу; это последняя, выжатая обстоятельствами и поздняя попытка сломать недоверие нашего подозрительного и изверившегося уже в посулы и обещания народа»¹.

Однако уже 16 сентября 1919 г. этот проект сменился другим: Колчак направил письмо председателю Совета министров П. В. Вологодскому о необходимости созыва «Государственного земского совещания, составленного по преимуществу из представителей крестьянства и казачества, на которых выпала главная тяжесть борьбы», и поручил «разработать в ближайшее время проект положения о Государственном земском совещании» (см. Т. 2, док. № 199).

Работа Совета министров в этом направлении продвигалась медленно. Лишь в заседании 5 ноября был составлен текст вводного закона об утверждении Положения о Государственном земском совещании (см. Т. 2, прим. № 231). Во второй половине ноября, после обновления своего состава, Совет министров решил изменить положение о выборах, пойдя навстречу общественности. Г. К. Гинс в своих воспоминаниях пишет об этом так: «Нашей последней ставкой было Земское совещание. Первым актом обновленного кабинета было исключение из состава Совещания назначенных членов, расширение представительства. Когда же, наконец, это будет утверждено? [...] Наконец, мы потеряли терпение и, не ожидая представления Пепеляева, сами обратились к Верховному правителю с просьбой утвердить закон. Он отказал»¹¹.

Отсутствие какой бы то ни было внятной политики по столь важному вопросу привело к тому, что в ноябре 1919 г. именно под лозунгом Учредительного собрания прошел ряд антиколчаковских восстаний, в том числе восстание во Владивостоке под руководством генерала Р. Гайды. Хорошо иллюстрирует печальный итог политики Российского правительства открытое письмо командующего войсками Енисейской губернии генерал-майора Б. М. Зиневича Верховному правителю от 28 декабря 1919 г.: «Я, командующий войсками Енисейской губернии, генерал-майор Зиневич, как честный солдат, чуждый всякого политического авантюризма и политических интриг, переживший четыре кампании, шел за Вами пока верил, что провозглашенные Вами лозунги борьбы за

¹ Дневник барона А. Будберга, 1919 год // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XV. С. 312, 313.

¹¹ Гинс Г. К. Указ. соч. С. 600–601.

Учредительное Собрание, как единую свободную волю Русского народа, будут Вами действительно проведены в жизнь родной страны; теперь, после катастрофы на фронте, я вижу, что лозунги, во имя которых мы объединились вокруг Вас, были только громкими фразами, обманувшими народ и Армию» (см. Т. 2, док. № 265).

Большое значение для Российского правительства имела аграрно-крестьянская политика. В этом вопросе Колчак и его соратники оказались перед выбором, который так и не смогли осуществить: восстановить нарушенные права на частную земельную собственность, отмененную советским Декретом о земле, или узаконить де-факто произошедший «черный передел».

При подготовке проекта Декларации по земельному вопросу в Совете министров разгорелись споры. Г. К. Гинс и некоторые другие члены кабинета требовали, чтобы в документе четко было сказано, что «восстановления помещичьих земель производиться не будет». Под давлением протестующих эта формулировка была изменена: «Восстановление тех владений помещиков и казны, которые в течение 1917 и 1918 гг. перешли в фактическое обладание крестьян, производиться не будет». Но и эта редакция не прошла. Генерал Лебедев специально пришел на заседание Совета министров, чтобы настоять на отсрочке, а фактически на непринятии декларации¹.

8 апреля 1919 г. Правительство все же утвердило «Декларацию о решении земельного вопроса» (см. Т. 2, док. № 102). В ней, в частности, провозглашалось: «Все, в чьем пользовании земля сейчас находится, все, кто ее засеял и обработал, хотя бы не был ни собственником, ни арендатором, имеют право собрать урожай [...] впредь никакие самовольные захваты ни казенных, ни общественных, ни частновладельческих земель допускаться не будут». В «Декларации» не было никаких конкретных решений, более того, в ней подчеркивалось, что принимаемые меры — временные, и в окончательном виде земельный вопрос будет решен Национальным собранием. Неопределенность декларации компенсировалась обещанием, что акты «об упорядочении земельных отношений, о порядке временного использования захваченных земель, последующем справедливом распределении их и, наконец, об условиях вознаграждения прежних владельцев последуют в ближайшее время».

Закон, опубликованный вслед за Декларацией, хотя и остался только на бумаге, вызвал крайне негативную реакцию в обществе. Это был закон о временной передаче помещичьих земель в руки государства. Захваченные земли следовало обмерить и описать, что вызывало у крестьян опасения, что земли у них все же будут изъяты. Помещики также восприняли закон негативно, убежденные, что государство забирает их собственность. Позднее, в конце июля, Колчак, стараясь исправить ошибки, заявил, что правительство и лично он считают «справедливым и необходимым отдать всю землю трудящемуся народу»¹¹. Впрочем, это заявление, прозвучавшее слишком поздно, не изменило ситуации.

¹ Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 471.

¹¹ Там же. С. 472–473.

Нестабильным было финансовое положение белой Сибири. Большие расходы требовались на армию и создание работоспособного государственного аппарата. В распоряжении Российского правительства в Омске находилась часть золотого запаса (в городе было сосредоточено золота в монетах и слитках на сумму 651 585 834 руб. 64 коп.). Были налажены контроль и охрана золота (см. Т. 2, док. № 124). Сохраняя золотой запас, Министерство финансов одновременно печатало деньги и усиливало инфляцию, обесценивая местные сибирские рубли. Тем не менее пойти на широкое использование имевшегося в руках золота колчаковское правительство так и не решилось. Только малая часть золотого запаса была продана в целях закупки вооружения и материального снабжения для армии, а также отправки необходимых средств на другие фронты.

Другой причиной инфляции в Сибири была начатая в апреле 1919 г. министром финансов Российского правительства И. А. Михайловым денежная реформа. Смысл этой реформы — изъять из обращения «керенки». Эти знаки хлынули в Сибирь, когда в ходе весенней кампании армии Колчака продвигались в глубь Советской России. С одной стороны, поддерживая хождение «керенок», Российское правительство косвенно финансировало большевистские расходы и расстраивало собственную экономику. С другой стороны, «керенки» были распространенной валютой в Сибири и на Дальнем Востоке. С 15 мая 1919 г. изымались из обращения казначейские знаки — «керенки» достоинством 20 и 40 рублей. Их надо было сдать в банки, а взамен получить именные квитанции. Половину суммы выдавали в сибирских знаках. Предполагалось, что вторую часть можно будет получить через 20 лет.¹ Отмена «керенок», особенно в той форме, в какой она была проведена, не только подорвала доверие к рублю, но и вызвала недовольство населения и быструю инфляцию сибирских денег.

Двумя основными задачами внешней политики Российского правительства Колчака были: объединение под своим руководством всех белых правительств и официальное признание мировыми державами.

Для Белого движения признание верховенства Омска имело огромное значение. С точки зрения внешней политики, оно могло способствовать признанию единой всероссийской власти мировыми державами. Для внутренней политики и противостояния большевикам важна была выработка всеми белыми правительствами общих программных положений по ключевым вопросам. Наконец, в военном отношении появлялась возможность проведения скоординированных операций против Советской России. Ввиду этого Колчак с самого начала требовал объединения усилий белых правительств и армий и претендовал на руководство ими.

1 января 1919 г. Колчак направил телеграмму Главнокомандующему ВСЮР генералу А. И. Деникину: «Сформировано правительство, во главе которого стою я, кроме того, я состою Главнокомандующим войсками Сибири, казачьих областей Урала и Оренбурга и остальной части Урала. [...] Я слышал, что Вы деретесь на Юге России за Единую Русь. Я довожу до Вашего сведения, что буду общаться с Вами только по вопросам чисто военным и общегосударственным.

¹ Зырянов П. Н. Указ. соч. С. 473.

Я считаю необходимым согласовать наши действия» (см. Т. 2., док. № 62). 11 января Колчак, повторяя слова о необходимости согласования работы Сибири и Юга России, говорил уже более конкретно: «Необходимо тесное согласование наших действий и соблюдение принципа единства Верховной власти и неотделимого теперь от нее Верховного командования» (см. Т. 2, док. № 67). В своих ответах Деникин был не просто осторожен, он словно отказывался понимать, на что претендует Верховный правитель, перечисляя войска и территории, находящиеся в его подчинении. «Нисколько не сомневаюсь, — писал Деникин, — что, когда волею Божьею соединятся наши территории, полное государственное объединение их и всех русских армий завершится легко и просто», но при этом предлагал заранее разграничить сферы влияния «в целях устранения двоевластия» (см. Т. 2, док. № 70, 71).

Тем не менее военные и политические условия, влияние союзников, усилия русских дипломатических кругов и другие обстоятельства привели к тому, что 30 мая 1919 г. Деникин издал приказ, в котором провозглашал: «Я подчиняюсь адмиралу Колчаку как Верховному правителю Русского государства и Верховному главнокомандующему Русских армий» (см. Т. 2., док. № 139). Временное правительство Северной области признало верховенство Колчака еще в апреле 1919 г. (см. Т. 2, док. № 115), Политическое совещание при Юдениче 7 июня 1919 г. (см. Т. 2, док. № 145).

Отношения с союзниками, хотя и не безоблачные, были чрезвычайно важны для Колчака. Эти отношения всегда были в фокусе внимания Верховного правителя, о чем свидетельствуют многочисленные докладные записки и информационные обзоры, освещающие мнения по русскому вопросу в политических и общественных кругах Японии, Англии, США (см. Т. 2, док. № 88, 109, 113 и др.).

Представитель Всероссийского Верховного командования при Союзном командовании на территории России генерал-лейтенант Г. Д. Романовский в письме Колчаку от 12 января 1919 г. писал: «В своих надеждах на союзническую помощь мы по-прежнему можем рассчитывать вполне лишь на Францию и Англию, в полном контакте с коими идет и Италия» (см. Т. 2, док. № 69). В том же письме указывается, что доверять американцам, а тем более японцам не приходится. Автор письма предполагал, правда, использовать в своих интересах конкуренцию между Японией и США: «Всякий шаг Японии, направленный к оказанию нам помощи, вызовет такие же шаги со стороны Америки» Можно утверждать, что Колчак был согласен с мнением Романовского, т. к. в письме А. И. Деникину 11 января 1919 г. сам писал, что «единственно, на что можно рассчитывать, это только на англичан и отчасти на французов». В этом письме Колчак говорил о японцах как об оккупантах Дальнего Востока, а не как о союзниках, тем более что они оказывали поддержку атаману Семёнову. «Что касается американцев, то пока они ограничиваются только обещаниями помощи, но реального от них пока мы ничего не получаем» (см. Т. 2, док. № 67). Отношение Колчака к союзникам передано также в воспоминаниях нидерландского военного корреспондента Л. Грондейса. По его словам, «американскую политику адмирал считал для России вредной». «На фронте мы не нуждаемся ни в каких иностранных войсках, — говорил Колчак, — мы

не хотим, чтобы иностранцы проливали за нас кровь. От заграницы мы ждем помощи оружием и экипировкой»¹.

Поставки вооружения и обмундирования в Сибирь проводились главным образом Великобританией и Францией. По данным начальника военного представительства Русской армии в Париже генерала от инфантерии Д. Г. Щербачева, в течение ноября 1918 — июля 1919 г. в Сибирь было отправлено 230 артиллерийских орудий, 2 млн 487 тыс. шрапнелей и 290 тыс. гранат, 2 тыс. пистолетов, 500 ружей образца 1886 г., 50 ружей-пулеметов, 2 млн патронов. Из Великобритании в Сибирь было отправлено 50 тыс. винтовок. Из САСШ было отправлено 337 тыс. винтовок. Поставки танков в это время не производились. Из Англии получено оружие для речных флотилий (80 артиллерийских орудий различного калибра и 125 тыс. снарядов)^{II}. 2 июля 1919 г. правительство Колчака приняло решение о передаче части золотого запаса в залог для получения вооружения из САСШ^{III}. Предполагалось получить 268 тыс. винтовок и 15 млн патронов за счет депонирования золота в иностранных банках. Впоследствии предполагалось вернуть депозит, компенсировав его поставками сельскохозяйственного сырья^{IV}.

Союзное командование одно обладало правом распоряжаться своим контингентом, находившимся на территории России. Договоренность об этом была закреплена 16 января 1919 г. в соглашении с главнокомандующим союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке французским генералом М. Жаненом и начальником английской военной миссии генералом А. Ноксом о разграничении полномочий между Межсоюзническим главным командованием и высшим русским командованием. В соглашении значилось следующее: «Ввиду того, что генерал Жанен в то же время уполномочен Чехо-словацким правительством командованием армиями последнего, то чехо-словаки предоставляют ему разрешение вопросов, связанных с переменной организации фронта, который до сих пор им был поручен. [...] По установлении общих предположений [...] приказы и распоряжения, из них вытекающие, будут отдаваться русским начальником штаба по поручению Верховного главнокомандующего. Эти приказы и распоряжения будут сообщаться генералу Жанен и, поскольку они касаются союзных войск, будут им подтверждаться прямыми от него распоряжениями по союзным войскам» (см. Т. 2, док. № 72). Примечательно, что в соглашении с Союзным командованием речь в первую очередь шла именно о чехословацких войсках, т. к. в отличие от британского и тем более французского контингента, они были в Сибири той военной силой, с которой стоило считаться.

Стоит сказать несколько слов и о требованиях союзников, выдвигаемых как условия помощи Колчаку. Выше уже шла речь об одном из них — учреждении народного представительства. Российское правительство на протяжении всего своего существования обещало создание такого органа. Союзники также при-

^I Грондейс Л. Война в России и Сибири / под науч. ред. Р. Г. Гагкуева. М., 2018. С. 395–396.

^{II} ГА РФ. Ф. Р-5936. Оп. 1. Д. 32. Л. 63–64, 70–71.

^{III} Подробнее о депонировании и продаже золота из золотого запаса см. Т. 2., док. № 296.

^{IV} ГА РФ. Ф. Р-5936. Оп. 1. Д. 411. Л. 92–94, 121.

няли решение Колчака отложить до окончательной победы над большевиками признание независимости образовавшихся на территории бывшей Российской империи государств (см. Т. 2, док. № 119). Гораздо больше союзников заботило официальное принятие правительством Колчака на себя финансовых обязательств Российского государства («царских долгов»). По крайней мере, таковое состоялось уже через несколько дней после переворота. 21 ноября 1918 г. была издана декларация, которая гласила: «Государство Российское всегда свято выполняло принятые на себя обязательства перед своими гражданами и перед народами, связанными с нею договорными актами. [...] Считая себя правомочным и законным преемником всех бывших до конца октября 1917 г. законных правительств России, правительство, возглавляемое Верховным правителем адмиралом Колчаком, принимает к неуклонному исполнению [...] все возложенные по ним на государственную казну денежные обязательства, как то: платеж процентов и погашений по внутренним и внешним государственным займам, платежи по договорам, содержание служащих, пенсии и всякого рода иные платежи, следуемые кому-либо из казны по закону, по договору или по другим законным основаниям. Правительство объявляет при этом все финансовые акты низвергаемой советской власти незаконными и неподлежащими выполнению, как акты, изданные мятежниками» (см. Т. 2, док. № 32).

Как Верховный главнокомандующий Колчак осуществлял общее военнополитическое руководство белым Восточным фронтом. Разработкой планов операций занималась Ставка Верховного главнокомандующего, возглавляемая генерал-майором Д. А. Лебедевым.

Плацдарм для последующего наступления на Москву, которое было конечной целью военных операций белых армий, создала так называемая Пермская операция. В ходе ее в ноябре-декабре 1918 г. Сибирская армия под командованием генерал-майора П. П. Иванова-Ринова заняла Кунгур и Пермь, но потеряла Уфу (подробно см. Т. 2, прим. № 77).

По общему замыслу Ставки, Сибирская армия должна была пробиться на соединение с Северным фронтом генерал-лейтенанта Е. К. Миллера и обеспечить тем самым совместный с войсками Антанты удар с северо-востока на Москву. Удар на центральном направлении (см. Т. 2, док. № 105, 108), на Самару, наносила Западная армия под командованием генерала от артиллерии М. В. Ханжина. В случае успеха она должна была соединиться с войсками Деникина, продвигавшимися в Поволжье через Царицын, и наступать на Москву с востока. Южная армия под командованием генерал-лейтенанта Г. А. Белова и Оренбургская армия генерал-лейтенанта А. И. Дутова также могли бы соединиться с войсками Деникина в Нижнем Поволжье.

Наступление по разработанному Ставкой плану началось в первых числах марта 1919 г. с продвижения Сибирской армии на Вятку и Западной армии на Бирск. В марте-апреле наступление было крайне удачным. Так, 4 марта 1-й Средне-Сибирский корпус генерала А. Н. Пепеляева переправился по льду реки Камы между городками Осой и Оханском, а южнее наступал 3-й Западно-Сибирский корпус Г. А. Вержбицкого. Эти два корпуса совместно атаковали фронт 2-й красной армии и 7–8 марта взяли оба города. На северном фланге части Сибирской

армии, соединившиеся 21–25 марта с войсками Архангельского правительства, вели совместные операции против красных. Одним из основных направлений весеннего наступления была потерянная в декабре предыдущего года Уфа.

В докладе о положении на фронтах к 17 апреля 1919 г. Главнокомандующий вооруженными силами РСФСР И. И. Вацетис писал: «Начиная с 1 марта упорные и удачные бои для противника. Соотношение сил: 1) на всем фронте у нас 88 т[ысяч] штыков и сабель с 252-мя орудиями, у противника — около 112 т[ысяч] при 764-х орудиях; 2) на направлении главного удара противника к 15-му апреля с нашей стороны 24 т[ысячи] штыков и сабель против 40 т[ысяч] противника. В настоящее время противник продолжает развитие удара в Уфимском, Самарском, Симбирском и Казанском направлениях. Первый наш контрудар в Уфимском направлении был безуспешен вследствие неустойчивости частей» (см. Т. 2., док. № 108).

К концу апреля 1919 г. армии Колчака вышли на подступы к Казани, Самаре и Симбирску. Однако здесь сказалась общая непродуманность операции. Недооценка противника привела к тому, что к началу мая 1919 г. темп наступления белых стал замедляться, а вскоре оно вообще прекратилось. Командование РККА, подтянув резервы и провозгласив лозунг «Все на борьбу с Колчаком», смогло нанести сильный контрудар, для отражения которого у белых не хватило резервов. Южная группа Восточного фронта красных под командованием М. В. Фрунзе 4 мая 1919 г. заняла Бугуруслан, 13 мая — Бугульму, 17 мая — Белебей, а 9 июня — Уфу.

В докладе И. И. Вацетиса о положении на фронтах к 15 июня 1919 г. уже уверенно говорилось о благоприятном ходе кампании: «Можно считать, что на Восточном фронте в настоящее время на среднем и северном его участках первая ближайшая задача этого фронта почти решена и что противник оттеснен за тот естественный рубеж, который обеспечивает за нами свободное владение рекой Волгой, а также богатым хлебным рынком к западу от рек Белой и Камы» (см. Т. 2, док. № 155).

Неудачное завершение столь успешной вначале кампании вызвало многочисленные нарекания на работу Ставки, породило конфликты среди командного состава. Самым ярким из них стал конфликт командующего Сибирской армией генерала Р. Гайды с начальником Штаба Ставки Лебедевым, которого Гайда потребовал отстранить от должности (см. Т. 2, док. № 132–135). Была образована специальная комиссия в составе генералов М. К. Дитерихса, М. А. Иностранцева и А. Ф. Матковского, которая должна была разобраться в обстоятельствах конфликта¹.

Закончилось дело тем, что указами Верховного правителя Колчака от 23 мая 1919 г. Лебедев был назначен военным министром, с оставлением в должности начальника штаба². Только в августе 1919 г. он был отстранен от должности за сдачу Челябинска.

¹ *Иностранцев М. А. Конец империи, революция и начало большевизма. Воспоминания / под ред. В. Ганина. М., 2017. С. 810–811.*

² ГА РФ. Ф. Р-176. Оп. 4. Д. 1. Л. 226, 228.

Среди причин поражения белого Восточного фронта следует отметить недостатки в снабжении, неустойчивое положение тыла, ослабленного крестьянскими восстаниями, ошибки в аграрной и рабочей политике. По воспоминаниям начальника штаба Западной армии генерал-майора С. А. Щепихина, наступление весной 1919 г. должно было проводиться не столько по стратегическим, сколько «по политическим мотивам». Торопились начать наступление «дабы успехами на фронте ускорить признание союзников и, следовательно, с одной стороны, добиться обеспечения помощи, с другой — объединения всего Белого движения в руках адмирала». По мнению Щепихина, эти факторы диктовали «единственно возможный способ действий», а именно «молниеносный, сокрушительный удар, обеспеченный с флангов» и развивающийся «не дальше Волги». При этом необходимо было одновременное нанесение ударов (первоначально с флангов, а затем из центра) с обязательным использованием резервов для развития ударов¹. Эти условия не были соблюдены. Более того, Ставка Колчака действовала слишком самоуверенно в расчете на то, что части Красной армии не смогут оказать серьезного сопротивления.

Несмотря на все ухудшавшееся положение на фронте, Колчак не отказывался от продолжения борьбы. 22 июля 1919 г. он писал жене в Париж: «Я переживаю очень трудный период. Большевистские армии потеснили мои силы с Урала и, как всегда, в такое время все трудности управления возрастают и неудачи следуют за неудачами. Два месяца почти как я сплю 4–5 часов, а то и меньше и иногда сам удивляюсь, как справляюсь с той невероятной работой, которую я принял на себя. [...] Мы ведем (мы, т. е. сравнительно небольшая группа лиц правительства и командного состава) 9-й месяц невероятную борьбу среди самой тяжелой обстановки, где каждый день не знаешь, что случится завтра. Тяжелей крест, принятый мною, и только во имя Родины можно нести его. [...] Мне трудно писать о себе — я совершенно не думаю ни о чем кроме дела, и у меня нет теперь ничего вне области сложной государственности работы, в которой я нес главную роль и ответственность» (см. Т. 2, «Материалы семейного архива А. В. Колчака...», илл. № 5). Именно в те дни, когда писалось это письмо, на Восточном фронте шли самые тяжелые бои. 20 июля 5-я армия РККА прорвала рубеж обороны и начала наступление на Челябинск. К 5 августа Челябинская операция завершилась полной победой красных. Это ознаменовало окончательное занятие ими всего Урала (подробнее о Челябинской операции см. Т. 2, прим. № 210).

В конце августа — начале сентября 1919 г. Колчак попытался переломить ситуацию, осуществив контрудар против Красной армии в районе Тобола. Наступление начиналось успешно, о чем Колчак написал в телеграмме от 16 сентября 1919 г., адресованной жене: «С 1 сентября наши армии начали наступление, идут упорные кровопролитные бои, пока удалось нанести красным тяжелые удары и отбросить их больше чем на 100 верст к западу» (см. Т. 2, «Материалы семейного архива А. В. Колчака...», илл. № 6). Но уже к середине октября 1919 г. возникла реальная угроза падения Омска. 15 октября 1919 г.

¹ ГА РФ. Ф. Р-6605. Оп. 1. Д. 8. Л. 65–66.

Колчак написал одно из своих последних писем Софье Федоровне: «Война приняла очень тяжелый и ожесточенный характер, осложняемый осенним временем, бездорожьем и усилившимися эпидемиями сыпного и возвратного тифа. Трудно предсказать будущее в гражданской войне, где можно ожидать больше, чем в какой-либо другой борьбе неожиданностей, но думается, что борьба затянется еще на много месяцев. Мы, т. е. кто вышел на нее, будем продолжать ее до окончательной победы, когда большевизм будет стерт с лица нашей Родины. [...] Не мне оценивать и не мне говорить о том, что я сделал и чего не сделал. Но я знаю одно, что я нанес большевизму и всем тем, кто предал и продал нашу Родину тяжкие и, вероятно, смертельные удары. Благословит ли Бог меня довести до конца это дело — не знаю, но начало конца большевиков положено все-таки мною» (см. Т. 2, «Материалы семейного архива А. В. Колчака...», илл. № 7).

Колчак в течение 1919 г. часто выезжал на фронт (см. Т. 2, док. № 90, 124, 211). Генерал-майор С. А. Щепихин писал об одной такой поездке: «Колчак как будто еще испытывал судьбу и стремился, пуская в дело свой последний резерв — свой личный авторитет, — переломить рок. Бывая на фронтах, он совершенно не вникал в сущность распоряжений и даже текущих операций: вся его фигура, казалось, говорила об одном — вот я здесь, чего же вам больше?! Больше этого я дать вам ничего не могу. [...] Тоска, внутреннее раздвоение — вот что читали мы все на его лице в период неудач. Но ни одного слова ободрения, ни одного мужественного жеста. “Поздно, поздно, все это поздно!” — с грустью говорил он мне, когда поднимался вопрос о причинах наших неудач» (см. Т. 2., док. № 299).

Ситуацию на фронте осложнял политический и экономический кризис в тылу. В обзорах Главного военно-цензурного контрольного бюро, составленных на основе перлюстрированных писем, хорошо видна динамика настроений на фронте. Мобилизованные в колчаковскую армию солдаты получали из дома известия о тяжелых реквизициях и повинностях, о злоупотреблениях чиновников и т. п. На фронте и в тылу росло недовольство властью Верховного правителя (см., например, Т. 2, док. № 140, 159, 182, 188, 193, 197, 217).

Эффективность работы правительства была невысокой. Управляющий военным министерством генерал-лейтенант барон А. П. Будберг давал этому такое объяснение: «Мы восстановили все министерства, со всеми их деталями и закоулками, но не восстановили власти, не восстановили ее действенности и ее морального и физического воздействия на население; хотели создать орган высшего, да еще всероссийского масштаба, а получили второсортные омские магистратуры, забывшие в своем дуте величии о черной земле и ее серых нуждах»¹. Эту слабость Российского правительства отмечали и иностранцы. Так, военный корреспондент Грондейс писал: «Сила любого режима — в надежности небольшого круга людей, остальные не важны. В Сибири [...] люди, поддерживающие режим, только делали вид, что преданы адмиралу, а сами пользовались им, что-

¹ Дневник барона А. Будберга, 1919 год // Архив русской революции. Берлин, 1924. Т. XV. С. 337.

бы устроиться на тыловые должности и безнаказанно совершать большие и малые беззакония»¹.

К концу октября стало очевидно, что Омск удержать не удастся. 31 октября 1919 г. было издано постановление Совета министров об эвакуации из города центральных правительственных учреждений (см. Т. 2, док. № 218).

Во время подготовки к эвакуации встал вопрос о хранившемся в городе золотом запасе. Премьер-министр П. В. Вологодский писал об этом в своем дневнике 29 сентября: «Адмирал решительно восстал против мысли, высказанной в Совете министров, что было бы целесообразно теперь же озаботиться о вывозе из складов Омска хотя бы части золотого запаса. Эти сведения дошли до союзников, и вот однажды почти весь персонал дипломатических представителей и военных миссий наших союзников явился к Верховному правителю и предложили ему взять под международную охрану государственное золото и вывезти его во Владивосток. Говорят, на это предложение Колчак резко ответил приблизительно так: “Не дам я Вам золото под охрану, я Вам не верю”». П. В. Вологодский добавлял: «Хотя потом Верховный правитель и дал пояснение, что он не видит столь опасного положения Омска, чтобы следовало спешить с вывозом золота, но это не успокоило волнение представителей союзников, и они ушли от Верховного правителя подавленные и, может быть, с затаенною злобою против адмирала» (см. Т. 2, док. № 202). 1 января 1920 г. союзники повторили попытку взять на себя охрану золотого запаса России, направив Колчаку соответствующую ноту (см. Т. 2, док. № 268). В конечном счете, золотой запас оказался в руках чехов (о судьбе золотого запаса см. Т. 2, док. № 286, 296, 297).

14 ноября 1919 г. Омск пал. Войска и многочисленные гражданские беженцы отступали по Транссибирской железнодорожной магистрали к Красноярску. Это отступление получило в Белом движении название «Великого Сибирского Ледяного похода».

Годовщину своего прихода к власти Колчак встретил в железнодорожном вагоне. В это время члены Совета министров осознали отчаянность положения и приняли решение о реорганизации. Они направили Колчаку зашифрованную телеграмму «с изложением единодушного мнения Совмина о необходимости изменения состава Совмина с приглашением в состав его представителей общественных течений» (см. Т. 2, док. № 234). В разговоре по прямому проводу с Верховным правителем председатель Совета министров П. В. Вологодский сказал Колчаку: «Программа, неоднократно возвещенная Вами и Правительством, приветствуется, но никто более не верит в возможность ее воплощения в жизнь при установившейся системе или вернее бессистемности управления» (см. Т. 2, док. № 234). Колчак, находившийся в тот момент в пути между Омском и Ново-николаевском, поддержал решение о реорганизации власти. Вместо Вологодского, пост председателя Правительства занял бывший глава МВД В. Н. Пепеляев.

28 декабря 1919 г. при участии местного большевистско-эсеровского подполья поднял восстание красноярский гарнизон. Почти одновременно с Красно-

¹ Грондейс Л. Война в России и Сибири. С. 394.

ярском революционное подполье выступило в Иркутске. Российское правительство фактически потеряло контроль над Сибирью. Поезд Колчака и поезд с золотым запасом, шедшие впереди армии и эшелонов с беженцами, оказались отрезанными от войск. К этому времени правительство успело доехать до Иркутска. Остатки белого Восточного фронта во главе с генерал-лейтенантом В. О. Каппелем обошли Красноярск и по реке Ангаре вышли к озеру Байкал (при переходе Каппель погиб).

В это время поезд Колчака был остановлен частями Чехословацкого корпуса в Нижнеудинске. Генерал-лейтенант М. И. Занкевич, назначенный не за долго до того начальником штаба Ставки Верховного главнокомандующего и следовавший в одном поезде с Колчаком, вспоминал: «Ко мне явился чешский майор в сопровождении двух офицеров и сообщил, что согласно полученному им из Штаба союзных войск в Иркутске приказанию поезд адмирала и поезд с золотым запасом должны быть задержаны на ст. Нижнеудинск до дальнейших распоряжений. [...] Начался период Нижнеудинского сидения, продолжавшийся около двух недель. Чехи окружили станцию своими караулами, непосредственная же охрана поездов адмирала и с золотым запасом неслась чинами адмиральского конвоя. К этому времени никакой связи ни с фронтом, ни с тылом, ни с союзниками у нас уже не было, и все сведения о происходившем, весьма притом скудные, получались нами от охранявших нас чехов» (см. Т. 2, док. № 301).

3 января 1920 г. Колчак получил телеграмму от Совета министров, в которой говорилось: «Дальнейшее существование в Сибири возглавляемой Вами Российской власти невозможно. Совмин единогласно постановил настаивать на том, чтобы Вы отказались от прав Верховного правителя, передав их генералу Деникину» (см. Т. 2, док. № 270). Колчаку ничего не оставалось, как выполнить это требование. 4 января 1920 г. он официально передал верховную власть главнокомандующему ВСЮР генерал-лейтенанту Деникину, а управление «Российской Восточной окраиной» — атаману Г. М. Семенову (см. Т. 2, док. № 271, 272).

5 января власть в Иркутске перешла к эсеро-меньшевистскому Политцентру, объявившему в своем манифесте: «Волею восставшего народа и армии власть диктатора Колчака и его Правительства, ведших войну с народом, низвергнута» (см. Т. 2, док. № 276).

К этому времени с Колчаком остались только самые преданные офицеры и А. В. Тимирева. 15 января в районе Иркутска Колчак, находившийся под охраной союзных войск, был выдан чехословаками Политическому центру (см. Т. 2, док. № 280). Политцентром была создана Чрезвычайная следственная комиссия по делу Колчака. Однако в день, когда эта комиссия приступила к допросам, власть в Иркутске снова изменилась. Оповещавшая об этом листовка гласила: «В целях объединения революционной демократии и во избежание раскола, Политический центр постановил передать власть Революционному комитету» (см. Т. 2, док. № 283). Этот Комитет состоял из пяти человек — четырех коммунистов и одного левого эсера. Упразднение Политцентра никак не отразилось на работе комиссии — она продолжала свою работу до 6 февраля 1920 г. Ре-

зультатом работы комиссии стали стенограммы допросов бывшего Верховного правителя Колчака¹, (см. Т. 2, док. № 289).

23 января Полевой штаб 30-й дивизии Красной армии в телеграмме председателю Иркутского революционного комитета сообщил следующее: «Революционный военный совет 5-й армии приказал адмирала Колчака содержать под арестом [...], применив расстрел лишь [в] случае невозможности удержать Колчака в своих руках для передачи Советской власти Российской республики» (см. Т. 2, док. № 285).

6 февраля 1920 г., «ввиду возобновившихся военных действий с чеховоиска-ми, движения Каппелевских отрядов на Иркутск^{II} и неустойчивого положения советской власти в Иркутске», председатель Сибревкома И. Н. Смирнов приказал Исполнительному комитету Иркутского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов немедленно расстрелять «адмирала Колчака, председателя Совета министров Пепеляева, всех участвовавших в карательных экспедициях, всех агентов контрразведки и охранного отделения Колчака» (см. Т. 2, док. № 290).

На следующий день, 7 февраля 1920 г., вместе с В. Н. Пепеляевым бывший Верховный правитель был расстрелян на берегу реки Ушаковки, притоке Ангары (см. Т. 2, док. № 291).

*Редколлегия**

^I О стенограммах допросов и об истории их публикации см. в археографическом предисловии.

^{II} После гибели генерала Каппеля этими отрядами командовал генерал-майор С. Н. Войцеховский.

* Редакционная коллегия выражает благодарность В. Ж. Цветкову и Р. Г. Гагкуеву за участие в подготовке предисловия.